DNI
HEBDOMADAIRE
RUSSE

N° 15
16
DECEMBRE
1928
Prix 2 francs
en France

ДНИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

N° 15
16
ДЕКАБРЯ
1928
Цена 2 фр.
по Франции

PARIS 9BIS, RUE VINEUSE. TÉLÉPHONE : PASSY 89-61

Edouard SCHNEEBERG et ses Fils

dirigent eux-mêmes leur entreprise de

FUNERAILLES ET SEPULTURES:

Direction — Paris, 43, rue de la Victoire (9e)

6 lignes Trudaine 88-56 et la suite (Service de nuit)

SUCCURSALES :

52, Boulevard Edgar-Quinet (14), Danton 64-51
43, Boulevard Ménilmontant, Roquette 39-31
4, Avenue du Cimetière, Pantin, Comb. 06-22
157, Avenue Jean-Jaurès, (19), Nord 02-23
14, Rue du Repos (20), Roquette 87-23
VIRE (Calvados) T. 125

Maison de confiance — Tarif officiel — Grand-Prix Arts Décoratifs, Paris 1925

BRASSERIE — RESTAURANT

כשר

UNIQUE A PARIS

FLAMBAUM

37, F-g Montmartre

Tél. : Provence 70-93

ДЕШЕВОЕ ЧЕШСКОЕ ПЕРО 1 кг.

серого, хорошего, полудранного пера 15 и 18 кч., полубелого, драного кч. 20 и 22 белое пушистое перо дранное 25, 30, 40, 50 кч., нежный полупух-перо кч. 60,70,80,90. От 5 кило высыл. наложен. платежом. Непонравившееся обменяем или деньги возвратим. — Большой прейс-курант бесплатно. — Наилучший источник для покупки.

S. BENIŠ, Praha-Vinohrady

Americká **26-129.**

ЧЕХИЯ

Пишущие машины

всех фирм

Продажа - прокат - исправления

Рассрочка платежа

Принадлежности - копии

66, Av. de la Bourdonnais

Alma (Ecole Militaire)

Tél. Invalides 25-22

Самопиш. перо 39 фр. 75 с.

ACADEMIE D'AUTO

des Champs-Elysées

б. СПБ «Знание». Самая старая и сам. большая АВТО-ШКОЛА

1). Обуч. езде на легковых и грузовых автомобилях. 2).Практ. механика с практич. занятиями. 3). Курс такси и гранд-ремиз. Знание франц. яз. необяз. Русск. **рассрочка платежа.** Рекомендация на места. Пособия по обуч. езде (8 фр. 50 с.), матер. такси от 15 нояб. 28 г. (24 фр.) и курс механ. (25 ф.) высыл. налож. плат. в провинц. Занятия еж. до 21 ч., а также в воскр. Запись ежедн. от 9 — 12 и 2 — 8.

1) 78, Av. Champs Elysées в глубине Аркад
2) 11, rue de l'Amiral Roussin (15).
3) 31, rue Marbeuf (8). 4) 29, rue Tronchet.

Директор-инженер **Б. Балясный.**

Д-р медицины

Н. А. Гольденштейн

ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ.

Прием ежедневно от 3 до 5 час.
55, rue Sts Pères. Tél. Littré 26-43
Летом принимает в *Vichy* 26, rue Petillat
Tél. 32-29

Д-р И. Г. Шейнер

Внутренние и желудочно-кишечные болезни.

Прием от 4 с пол. до 6 ч. вечера

Tél. : Auteuil, 68-21.

156, Av. de Versailles.

VANVES

3 к., кухня, ван., комф. 5500, а также в 3500; 4500 и 6000
COURBEVOIE : 1 к. и кух. 2800. — Обр. JOBART,
4, square Auguste Chabrières, Paris. (Porte de Versailles).

Александра Александровича, Марию Викторовну, Леку, Галю и Витю Грешнер, живших в 1918 году в Бежице, Орловской губернии разыскивает
S. Greschner, 3, rue Alex. Parodi. Paris X.
Всех могущ. дать сведения умоляю написать.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

вы обнаружите, что вам надо было починить свои ботинки у САПОЖНИКА на 86, Bd St Marcel, 86. Исполнение в 24 часа.

Английская дама

дает уроки английского языка. **Писать в** «Дни» для **Miss DAW**

Ресторан и винно-гастрономический магазин „СЛАВА“

11, rue Tournefort, (возле Пантеона).
Первоклассная кухня. Завтраки и обеды.
Фаршированная рыба.
Молочные блюда.
Простокваша. Варенец.
Prix-Fixe 6 фр. et à la carte.
По абонем. — скидка.
Горячие блюда в течение всего дня.
Автобусы: A и S.

ПОРТНОЙ

Б. З. Рукин

24, rue du Faubourg Montmartre, 24.

Téléphone: Provence 37-59

(раньше: Киев, Николаевская 3)

доводит до сведения русской колонии и особенно киевлян, которым фирма моя была известна, как одна из лучших,

что мною открыт

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ

ДНИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК под редакцией А. Ф. КЕРЕНСКОГО

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
9-bis, **RUE VINEUSE, PARIS** (XVI)
ТЕЛЕФОН: PASSY 89-61

№ 15 ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 ДЕКАБРЯ 1928 г. № 15

Содержание:

А. Керенский: Голос издалека (Идеи на службу государству; О легальных возможностях; Крамола «товарища» Рязанова).

А. Хондкарт: Большевистский Фатали-шах.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП (по рассказам приезжего).

Из России пишут: 1) Коммунизм выходит из моды (письмо москвича; 2) Письмо агронома-общественника; 3) Ходоки в коммунах (из Курской губернии); 4) О Сидоровой козе...; 5) Голос бедняка (из села Черниговской губернии); 6) Из разных мест.

Современник: Политические заметки (Своя своих не познаша).

А. Марков: «Догнать и перегнать».

Кремль и иностранцы: (Направление: Соединенные Штаты Америки; Во власти самовнушения; СССР и Луганские совещания; Сказания иностранцев).

Листок литературы и искусства: (Нейтралитет искусства; Раскольников защищается; Писатели отвечают).

ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

43. Идеи на службу государству

Некоторые положения моего доклада «Проблема власти в России» и моя статья «Прежде всего государство» («Дни» № 14) вызвали, как подчеркивают «Последние Новости» П. Н. Милюкова, возражения и недоумения даже у моих «ближайших единомышленников»...

Совершенно верно. Но ни один из моих левых единомышленников не превзошел в левом возмущении моим «отступничеством» самого редактора-передовика левейших «Последних Новостей».

Я не сторонник в нынешних условиях, российских и зарубежных, задорной полемики и острых личных споров. Поэтому не буду следовать примеру обиженных за демократию «Последних Новостей». Не буду на примере ближайших к нам десятилетий русской истории устанавливать, **кто** за это время дал нам классический пример непрестанного «отступничества», головокружительной смены «новых тактик»: монархия — республика; республика — монархия; монархия — белая диктатура; белая диктатура — опять демократия, и т. д.

Мне уже довольно давно, на примере П. Б. Струве, тоже всю жизнь свою занимавшегося молниеносной сменой вех и переменой «тактик», приходилось устанавливать своеобразный основной закон душевного склада людей, часто меняющих свои политические и тактические программы: в каждом новом своем преображении они особенно уверены в незыблемости своих нынешних убеждений.

По совести скажу, что с радостью приму от редактора «Последних Новостей» звание «отступника», если это послужит залогом к тому, что сам П. Н. Милюков вопрос о монархии — республике, о диктатуре и народовластии никогда уже впредь не будет превращать только в смену тактик и **никогда уже больше не покинет наших рядов — рядов республиканцев, всю свою жизнь неизменно и неустанно боровшихся за народовластие в России.**

Вот здесь мне надлежит обернуться в сторону моих ближайших единомышленников слева, действительно, смущенных, а иногда и несколько раздраженных моими по вопросу о власти в России высказываниями. В этих кругах недоумения и раздражения уже не тактический ход, а совершенно искреннее переживание.

Что вызывает у «левых» недоумения? — Мое утверждение, что всякая государственная власть, которая **органически** придет на смену идеократической противогосударственной диктатуре Политбюро, будет для России шагом вперед, хотя это новое правительство «развяжет хозяйственные силы государства в несовершенных, неотвечающих нашим представлениям о развернутой демократии политических формах».

Значит ли это, что я отказываюсь от борьбы за демократию, за народовластие; делаюсь, как подсказывают «Последние Новости» левым моим единомышленникам, ненавистным им... «непредрешенцем»? Отнюдь нет.

СОБРАНИЯ „ДНЕЙ“

2-е очередное собрание „Дней“ состоится 21-го декабря Тема: доклад И. И. Бунакова: Русский земельный строй и аграрная революция“ и прения по докладу. Начало в 8 ч. 30 мин. вечера. Вход исключительно по именным приглашениям. Место собрания указано в приглашениях.

В том же докладе, на основании которого меня объявляют монархистом в возможности, прямо говорится: «В России нет больше дворянства, как социального класса, следовательно **карта монархии в России бита».**

Для меня в органическом развитии форм государственного строя монархии в России просто нет. Для меня совершенно ясно, что **всякое правительство, которое преодолеет** надправительственную диктатуру Политбюро, вынуждено будет вернуть российскому населению некоторую хотя бы самую ничтожную долю отнятых у него в октябре 1917 года политических и гражданских прав.

Возможно ли будет по соотношению политических сил в России и по силе политической организации росскийских трудящихся классов непосредственная смена диктатуры совершенной демократией? Возможен ли будет даже возврат к полноте демократических возможностей, каковая была у нас в распоряжении в Феврале? Думаю, что нет, так как слишком глубоко разложил и развратил трудовые классы Октябрь. России придется «демократически преодолевая, как пишет «Социалистический Вестник», коммунистическую диктатуру силами самих революционных классов, силами пролетариата и дружеского ему крестьянства» с великими трудностями **продвигаться вперед к Февралю,** к осуществлению полного и развернутого народовластия .

Ф. И. Дан из «Социалистического Вестника» хочет, демократически преодолевая диктатуру, **предотвратить** термидор, как некий, грозящий России «буржуазно-контр-революционный» переворот. Левый Ф. И. Дан этого переворота боится, — боится его, обвиняя меня в «отступничестве» и ныне левейший передовик «Последних Новостей».

Вот тут я, действительно, отступник, ибо **термидора, ибо «буржуазно-контр-революционного»** переворота **не боюсь.** Еще в прошлом году в докладе «Распределение социальных сил в России» я, на основании бесстрастных цифр ститистики, устанавливал, что **коренное перераспределение удельного веса социальных сил в России уже произошло** и не подлежит никаким «идеологическим» исправлениям, по крайней мере в ближайшее, наступающее десятилетие. В недавнем же моем докладе это же положение мною высказано так: **«В России нет больше экономически зрелого класса буржуазии. Из этого следует, что сейчас в ней нет базы для парламентарной демократии классического европейского образца»,** т. е. той демократии, где, по выражению марксистов, «диктатура власти принадлежит буржуазно-капиталистическим классам».

Слагаемый в нынешней политической арифметике России являются: крестьянство, рабочий класс, трудящаяся и управляющая интеллигенция, «советская» бюрократия. **Их сумма никак не может дать повторения французского и вообще какого бы то ни было западно-европейского термидора. Но — и вот тут мое самое страшное преступление! — если бы, наперекор стихиям, диктатура Политбюро превратилась в подлинный буржуазный французский термидор, я бы его тоже не испугался, и считал бы в историческом плане России такой термидор все таки шагом вперед,** как несомненно (уже без «все таки») для Франции начала 19-го века подлинный, неповторяемый и единственный термидор был **плодотворным преодолением якобинской террористической реакции.**

Французский Февраль — «Декларация прав Гражданина и Человека» — едва воплотился в жизнь через сто лет после взятия Бастилии. Для тех, которые во Франции все эти долгие десятилетия боролись за **должное,** за воплощение в жизнь полного народовластия, все очередные этапы, приближавшие Францию к крепкой республике, представлялись чем то несовершенным, часто реакционным. Но пути государства не пути человеческой мысли. Идейно давно должное — возможным в жизни иногда долго не становится. Подчинить «моему» идеалу сегодня же живой организм государства — значит почти всегда искалечить его, а иногда и разрушить.

Вот тут, как любят говорить журналисты, невралгический пункт, больное место моего расхождения с моими «ближайшими единомышленниками».

Мое утверждение: «государство прежде всего» вызывает во многих из них раздражение. Позвольте, а идеи?..

Идеи должны быть на службе государству. Ибо идеи отдельных людей, партий и целых классов по отношению к цельному, живому организму государства только слагаемые, только части, только химические элементы, из которых складывается нужная на сегодняшний день государству сверх-личная, сверх-классовая, сверх-партийная Мысль!

Большевистский Фатали-шах

Есть такой исторический анекдот. По окончании русско-персидской войны начала 19-го века, когда садразам (первый министр) докладывает Фатали-шаху о мирных условиях, предъявленных Россией, между шахом и его министром происходит следующий разговор:

— Гёлэ араб (властелин мира), — говорит садразам, — белый царь *просит,* чтобы вы *подарили* ему Каспийское море целиком.

— А что, там очень вкусная для питья вода? — спрашивает шах.

— О нет, гёлэ араб, вода в море соленая и ее пить нельзя.

Шах, в полной уверенности, что «белый царь» находится в заблуждении, отдает садразаму распоряжение о передаче русским «никому ненужного» Каспийского моря и направляется в свой «эндерум» пить сладкий шарасский шербет, наслаждаться ласками молодых жен и благословлять Аллаха за то, что он послал ему противника хотя и сильного, но такого глупого, что он не может как следует пользоваться плодами своей победы: он требует у него не красивых его жен, не роскошных хорасанских ковров, не тонких керманшахских шалей, а какое-то море, воду-то которого и пить даже нельзя...

Этот анекдот я вспомнил, читая на-днях в «Правде» фельетон Мих. Кольцова: «В тени Арарата».

Кольцов не простой журналист, а можно сказать советский «Меньшиков», один из главных «делателей» политики в оффициальном органе правительственной партии. Он в этом качестве совершает иногда поездки по СССР, знакомится «с нуждами населения» и освещает их на страницах казенной печати. И вот в одну из своих поездок М. Кольцов добирается до Эривани, откуда и пишет свой вышеназванный фельетон. В нем, как полагается, говорится о «строительстве социализма» в советской Армении, о фабриках и заводах и тому подобных «завоеваниях», к числу которых он относит и «севангскую форель, что арменторг вывозит даже в Париж для парадных обедов Бриана с Штреземанном».

Но все же это не дает «полного» счастья армянскому народу. Советская Армения с урезанными границами слишком тесна для него, и он, находясь лишь «в тени Арарата», постоянно обращает свои полные скорби взоры на эту священную гору и даже дальше, в ту сторону, за горой, где тлеют пожарища его родных очагов. Перед соблазном этого чувства родины, символом чего является Арарат, не устояли даже армяне-большевики, которые изобразили гору Арарат на

Напрасно мой обличитель «слева» из «Последних Новостей» думает, что я только «теперь» пришел к преклонению перед государством, к подчинению государству всех партийных и классовых вожделений.

Может быть, благодаря моему церковно-бюрократическому происхождению я никогда не переживал обычного в развитии русских левых политиков противогосударственного периода. Я всегда был абсолютным государственником. Я никогда не мыслил политическую работу иначе, как службу государству. Государство для меня всегда было **сверх-личной, абсолютной, положительной, творящей ценностью.**

Недавно М. В. Вишняк привел выдержку из консервативного славянофила Константина Аксакова. «Государство, как государство — есть ложь... Славянские народы, русский народ по преимуществу, есть народ негосударственный». Для меня негосударственный народ — **не народ,** а этнографическое образование. От Аксакова перейдем к народовольцам. «Устраните государство, — говорится в передовой статье «Народной Воли» № 2, — и народ устроится, быть может, лучше, чем мы даже можем надеяться». Для меня **вне государства народ может только превратиться в анархическую орду.** Эта славянофильско-народническая антигосударственная идеология смешалась потом с западно-европейским первоначальным антигосударственным марксизмом. Для левых российских партий государство стало — по программе по крайней мере — временным неизбежным злом, которое подлежит преодолению.

На самом же деле для благосостояния народных масс государство подлежит утверждению, ибо вне государства невозможно никакое общественное развитие.

— Ваши рассуждения — сказал мне недавно один «ближайший единомышленник» — не новы. О сверхличной природе, о мистической личности государства писал еще любимец всяческой реакции Жозеф де-Мэстр.

Да, писал. Но увидел он природу государства не потому, что был реакционер, а потому, что умел видеть. Ему дана была такая же исключительная и редкая возможность, почти счастье: видеть и революцию и Наполеоновские войны, видеть процесс зачатия, рождения и развития новых государственных организмов. Нынешняя великая война и революция только подтвердили эту живую, ощущенную де-Мэстром, сверх-личную органичность государства. **Все партии и все программы, выросшие в довоенную «стабилизованную эпоху», оказались не только в России, но и на Западе, не по мерке, не по росту** перерожденному войной государству.

Отсюда пересмотр программ, можно сказать, в... «мировом масштабе». А «Последние Новости» с гордостью напоминают мне, явному «отступнику» от довоенных программ всех левых партий, что «не следует объявлять непригодными **все** старые партийные программы». Была, мол, программа партии народной свободы (к.-д.), которая и до войны умела приспособляться к государству (умела быть «оппортунистичной»). Увы, умела так приспособляться, что от нее, кроме милюковской «новой тактики», ничего не осталось. Да и самой партии больше не существует.

Коренная неотложнейшая задача всех партий состоит сейчас в том, чтобы построить новые программы, соответствующие потребностям современного, нового государственного организма.

Нужно отдать партийные идеи на службу государству. Подчинить их его велениям и потребностям.

Уже слышу: «он против свободы мысли, за фашистскую или большевистскую монополию на идеи».

Нет, как раз наоборот. Свобода мысли — это поры, которыми дышет живой государственный организм. Каждая живая в нем социальная клеточка **должна, свободно мысля, свободно развиваться, только подчиняясь гармонии развития целого.**

В пользе государства, в сохранении его живой цельности и должна находить себе **предел** партийная мысль, партийная идеология.

Вредны государству не свободные идеи, а принудительное господство одних индивидуальных, сословных или классовых идей над всеми прочими, над самим государством.

Идеократия — большевизм или фашизм — подчиняют своей частной, партийной идее все государство.

Демократия же все отдельные частные, партийные и классовые идеи подчиняет пользам и нуждам целого. Подчиняет государству.

Вся мудрость управления заключается не в осуществлении во что бы то ни стало своей партийной программы. А в умении, руководствуясь своей идейной программой, **найти нужный на сегодня для жизни государства компромисс между «неурезанными» требованиями отдельных партий, классов и программ.**

государственном гербе Армянской ССР, хотя она и вовсе не находится в советском союзе, а напротив того, в Турции».

И вот перед этой проблемой-трагедией сановный публицист из «Правды» высказывает достойные Фатали-шаха рассуждения: «Но что, собственно, мог бы дать нам Арарат? Территорию? Эти скользкие кручи необитаемы и опасны. Красивый вид? Мы им пользуемся и сейчас без всяких протестов со стороны дружественной державы, без попытки заслонить от нас гору забором. Изображение в гербе? Оно уже есть».

Такая во всех отношениях негодная гора этот самый Арарат, что даже не придумаешь, что с нею можно сделать. «Разве что при активизации концессионной политики, — рассуждает далее г. Кольцов, — мы сдали бы Арарат американцам, они устроили бы там экскурсии набожных туристов, провели бы канатную дорогу к месту, откуда выпорхнула голубка с ветвью, и джаз-банд откалывал бы фокстроты в виноградном заведении «Приют Хама».

Но эта перспектива не нравится М. Кольцову. «Нет уж, Ной с ней, с этой концессией», острит большевистский Фаталишах, считая, что нельзя было придумать иного, лучшего употребления из «кручей Арарата», чем то, что сделала советская власть, *отдав* их «глупым» туркам.

Итак история повторяется. Ровно сто лет тому назад величайший идиот на троне, оценивая значение морей для государства с точки зрения годности для питья их вод, отдал с легкой душой Каспийское море России; сегодня, через сто лет, не менее идиотская власть, но уже в России, с такой же оценкой подхода к государственной территории, уступает ее с неменьшим легкомыслием другой державе. Если вода в море не годится для питья, то что собственно может дать мне владение Каспийским морем? — рассуждал Фатали-шах сто лет тому назад. Раз «кручи Арарата» скользки, необитаемы и опасны, то что собственно могло бы дать нам владение Араратом? — говорит после него достойный преемник. Но Фатали-шах был побежденной стороной, жил сто лет тому назад, и потому заслуживает так или иначе снисхождения. Для Кольцова же нет никакого смягчающего его вину обстоятельства и он подлежит публичному сечению.

Итак, что такое эти «кручи Арарата» и действительно ли они никакого интереса для России не представляют?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я должен отметить, что дело тут вовсе не в одних только «кручах Арарата». «От Эривани до горы Аратата, — пишет в своем фельетоне М. Кольцов, — пятьдесят километров, но почти по середине этих пятидесяти километров проходит турецкая граница». Таким образом из слов Кольцова видно, что вместе с «кручами горы» Турции уступлена еще и некая территория, приблизительно в 25 кв. километров, что и соответствует действительности,

44. О легальных возможностях

По почину некоего харьковского коммуниста в Москве образовалось «добровольное» общество борьбы с антисемитизмом.

По этому поводу в № 11 «Дней» я написал статью, где указывал, что привлеченные к этому делу беспартийные добровольцы — оффициальные устроители общества — пошли **не теми путями.**

В государстве, — писал я — в котором не существует даже никаких намеков на свободную, хотя бы и поднадзорную, общественность, где нет более никаких оказательств свободной **политической** общественности, всякое политическое, общественное, по **исключению** допущенное «добровольное» общество, действительно добровольным, свободным, имеющим общественный авторитет обществом **не станет.** А участники такого в целях начальственных разрешенного общества станут в глазах загнанного в подполье, но все же существующего в России общественного мнения, добровольцами **казенными.**

Подобное рассуждение об общественном добровольчестве по особому жандармскому разрешению мне представлялось бесспорным. Для того, чтобы представить себе яснее всю щекотливость для настоящих общественников создавшегося положения, достаточно представить себе такую картину: приходят устроители добровольного общества борьбы с антисемитизмом в университет, больницу, комиссариатскую канцелярию. Спрашивается, **кто** осмелится не записаться в члены такого добровольного общества, когда всякий внешний антисемитский жест считается признаком государственной неблагонадежности и карается в порядке уголовном?

Совершенно ясно, что **настоящие антисемиты поспешат оказаться в первых рядах направленного против них общества.**

В условиях всеобщего, равного и прямого политического крепостничества самое благое общественно-политическое начинание должно скатиться до участи казенного «Мопра», куда все поголовно несут свои голодные гроши на помощь двум-трем десяткам отдыхающим в комфортабельных «политических камерах» европейских тюрем «жертвам белогвардейского террора» в то время, как многие десятки тысяч подлинных жертв красного террора гибнут в различных Соловках от холода, голода и невыносимых чекистских истязаний. А ведь Мопр — эта гнусная пародия на «Политический Красный Крест» — общество тоже в полной мере... добровольное. Попробуй только не подписать своей лепты, когда «эдакий бравый доброволец» подходит к тебе с листом добровольных пожертвований.

Повторяю, мои рассуждения о казенном добровольчестве казались мне совсем простенькими и, так сказать, в высшей степени демократически-благонадежными. Не тут то было. Оказывается, по «Социалистическому Вестнику», высказываясь против казенного добровольчества, я примкнул к самым «реакционным элементам эмиграции». Оказывается, выступать против привиллегированных казенных обществ значит исповедывать заповедь «чем хуже, тем лучше», «чем больше голода, тем больше бунта против власти» и т. д.

Каким образом попали эти теории, — вопрошает «Социалистический Вестник», — на страницы демократического издания? Ведь «все левые группы эмиграции с возмущением отвергли эти теории», а я снова восстаю против «использования» в СССР всяких легальных возможностей...

Напротив, я за них всегда стоял и сейчас стою еще больше. Еще совсем недавно здесь, на этих страницах, я доказывал весь вред бойкота выборов в советы, доказывал необходимость работы и в кооперативах, и в сельсоветах, и в прочих законно-существующих государственных и общественных учреждениях, где возможна общественная работа, хотя бы в самых зачаточных, но независимых формах.

Но правило «пользуйся всякой законной возможностью для хозяйственной и общественной творческой работы» не является правилом без исключения. Каждый случай возможности такой «легальной работы» должен обсуждаться в отдельности с принятием в соображение всех «за и против».

Так было и в старой России. В общество грамотности, скажем, шли, а в «славянское благотворительное общество», носившее ярко определенный политический характер, ни один славянолюб-общественник, даже весьма умеренный, никогда не вступал.

Вообще, пользуясь в виде общего правила всеми законными возможностями для общественно-политической работы, мы в старой России никогда не вступали

ибо, как известно, вместе с Араратом, отдан Турции и Сурмалинский уезд, представляющий из себя *обитаемую*, ничем не опасную и вполне ровную долину, годную для таких высоких растительных культур, как хлопок и пр.

Но есть другое и более важное обстоятельство. Уступка Арарата исторически не является отдельным, самостоятельным актом предательства большевиков. *Она связана с отдачей туркам Карса и Ардагана, что имело место дважды: первый раз в 1918 г. в Брест-Литовске, и второй и последний раз в 1921 г. в Москве.* И можно ли про все эти земли сказать, что они не представляют никакого интереса для России? Чем рыться в архивах армянской истории, М. Кольцов лучше пошел бы в штаб кавказской — даже красной — армии, и там ему объяснили бы, *какое* значение представляет Карская крепость для защиты Баку и всего Закавказья. Там он узнал бы, что вследствие отдачи Карса туркам штаб красной армии вынужден в случае возникновения войны с «дружественной державой», отодвинуть свою армию до Памбакских гор и первый бой принять у подступов Тифлиса.

Но я готов ограничиться лишь обсуждением значения «кручей Арарата». Действительно ли их переход к Турции не нарушает интересов России, которые, якобы, находят свое удовлетворение «в пользовании красивым видом Арарата и в изображении его на государственном гербе Армении»?

Чтобы не ошибиться в ответе, правильно будет поставить предварительный вопрос: а *почему*, собственно говоря, Турция так пристрастилась к этим «необитаемым кручам Арарата», *на что* они ей? Объяснить такое желание турок их глупостью, как это делал в свое время Фатали-шах, значит разделить славу этого шаха. Тут надо другое объяснение. И его найти не так трудно. Нужно только прочесть несколько статей турецко-большевистского договора 1921 года, да еще бросить беглый взгляд на карту Закавказья.

По московскому договору 1921 г. большевики — эти рецидивисты в предательстве — второй раз отдали Турции Карс, Ардаган и Сурмалинский уезд. Они этот свой поступок мотивировали тем, что эти области были отняты у Турции царским правительством в 1878 году, и теперь они их возвращают их бывшему владельцу. Но вся суть в том, что Сурмалинский уезд и «кручи Арарата» были отняты царским правительством *не в 1878 году и не у Турции*, а в начале 19-го века у упомянутого Фатали-шаха. Так что, если почему либо надо было их вернуть, *то уже не Турции, которой они никогда не принадлежали, а Персии.* Из этого следует, что претензии Турции на Арарат не диктовались чувством реванша или восстановления справедливости, а имели совершенно особую подоплеку. В чем же заключается она?

Для выяснения мы возьмем 3-ью статью московского до-

в организации, существовавшие по особому начальственному благоволению и выполнявшие начальству угодные политические обязанности.

Просто и ясно.

А все дановские изобличения «Дней» в реакционности — совсем дешевенькая, никому ненужная демагогия под Зиновьева.

45. Крамола «товарища» Рязанова

Борьба «советского государства с диктатурой ленинской идеократии» разгорается.

Тишайший Рыков в своей бюджетной речи дает новые кричащие примеры того, как во имя партийной диктатуры разрушается крестьянское хозяйство.

Нижепечатаемое письмо из деревни «о сидоровой козе» дает к выступлению председателя Совнаркома весьма поучительную картинку.

За Рыковым пошел хранитель марксовых писаний Рязанов. Он предъявил диктаторам из Политбюро требование: соблюдать «советскую конституцию» хотя бы по вопросу о бюджете.

— Не пора ли покончить с таким положением, — говорил Рязанов, — что ЦИК собирается меньшее число раз и на меньшее число дней, чем положено конституцией?..

Отсюда получается то, что «семимиллиардный бюджет рассматривается в пять-шесть дней». А кроме того «целый ряд бюджетов отдельных учреждений не входит в государственный бюджет и таким образом не контролируется ЦИК-ом СССР».

— «А между тем — продолжает Рязанов — мы живем в эпоху не только самокритики (внутрипартийной), но и оживления советов», т. е. некоторого наступления беспартийных низов на правительственно-партийный аппарат.

В выступлении Рязанова — явно правого уклона — интересно не самое его деловое предложение, а тот общественный воздух, которым г. Рязанов надышался.

Именно этот окружающий его «советский» беспартийный с низов дующий воздух напомнил ему о том, что кроме диктаторствующей партии имеется еще СССР, т. е. государство.

Государство должно жить не по произволу идеократических диктаторов, а по собственной конституции. И бюджет, смета его расходов и доходов, не может оставаться долго без жестокого вреда населению **семейным** делом безответственной перед народом партийной верхушки.

А. Керенский

Ноябрьский пленум Ц. К. В. К. П.

(По рассказам приезжего)

«*Советы берут партию за горло*», вот вывод неглупых людей из того, что произошло на ноябрьском пленуме ЦК. «Индустриализация — могила диктатуры, революция с точки зрения наших сторонников буржуазной демократии и контрреволюция с точки зрения агитпропа» — вот тот же вывод в другой словесной формулировке.

Бой готовился по линии «против сторонников правого, т. е. буржуазно-демократического уклона, и всех неодобряющих индустриализацию». Так и развертывал свои силы Сталин. Но противник потихоньку перегруппировался и выдвинул совсем не то орудие. Индустриализация? Пожалуйста. Свертывать начатые работы нельзя, отказаться от торжественных обещаний (в том числе, 7-часовой рабочий день и государственные пенсии престарелому беднейшему крестьянству) тоже нельзя. Довольно идеологических споров. Давайте говорить о цифрах. *Цифры же на пленуме вскрылись ужасающие.*

Только для того, чтобы продолжать уже начатое строительство и выполнить самые неотложные обязательства, нужно не 1.500 миллионов, и не 1.700 миллионов, а почти три миллиарда из годичного бюджета, а весь годичный расходный бюджет

говора. По этой немножко странной статье СССР соглашается удовлетворить требование Турции о том, чтобы входящий в СССР Нахичеванский уезд (теперь нахичеванская республика), как отдельная административная единица, находился под протекторатом Азербейджана, чтобы Азербейджан не имел права уступить это свое право кому нибудь другому (имеется в виду соседняя Армения). Чем вызвано такое неслыханное вмешательство Турции во внутренние дела СССР? Тем, на чем «обосновывались» претензии Турции на захват Сурмалинского уезда, т. е. желанием посредством отсечения острого конца армянского клина установить непосредственную территориальную связь с тюрко-татарами Азербейджана, Дагестана, Туркестана, т. е. всех тех стран, защиту интересов которых взял на себя парижский журнал «Прометей». Таким образом, «кручи Арарата», так игнорируемые большевистским Фатали-шахом, как раз *являются тем фокусом, на котором смыкаются две тюркские массы: турки запада и тюрко-татары востока.* Отнимите от Турции эти «кручи Арарата», и вы протянете нетюрко-татарский клин до Персии и рассечете на две половины туранский мир. Нет, Мустафа Кемаль не по глупости своей захватил Арарат и «административно устроил» Нахичевань, а большевики допустили величайшую глупость, отдав эти уезды Турции. Кемаль хорошо знает значение этих «кручей». Он великолепно дает себе отчет, что не будь этого Сурмалинско-Нахичеванского *моста*, его продвижение на восток будет так же трудно, как было трудно продвижение шедшего на «освобождение» Азербейджана и Туркестана Энвер-паши.

Так ли все это безразлично для г.г. большевиков? Не думаю. Я знаю, что они плюют на такие «предрассудки», как интересы нации или государства, но я знаю и то, что у этих жадных «госразбойников» совершенно иное отношение, когда вопрос касается таких материальных благ, как бакинская нефть. Вот почему я думаю, что «кручи Арарата» представляют большое значение даже с точки зрения интересов СССР. Вот почему рассуждения г. Кольцова я отношу к категории «мыслей», высказанных сто лет назад таким, с позволения сказать, государственным деятелем, как Фатали-шах.

И, наконец, последнее:

Кольцов был в самой Эривани. Свой фельетон он начинает с армянского царя Арташеса, жившего при Кире. Но он на этом не кончает свою *повесть*. Он говорит и о настоящем Армении, и говорит — о, ужас! — словами «фарисействующих армянофилов Европы». «Нескончаемая драма «русских» армян, — пишет Кольцов, — влилась в общую необозримую мировую трагедию всего армянства. Ни в чем неповинный народ положил в общую могилу мировой войны свой страшный взнос: полтора миллиона трупов», и теперь «армянский народ

должен вырости до девяти с лишним миллиардов; между тем весь национальный доход едва ли превысит 20 миллиардов, *т. е. наркомфин должен изъять налоговыми и всякими другими средствами почти половину годового национального дохода.* Если со Сталиным и Молотовым не случилось удара от этих цифр, то единственно потому, что они их не понимают. Те же, кто понимает, заботились об одном, чтобы скрыть от иностранцев и от «второй России» (эмигрантской публицистики и экономики у нас побаиваются) это соотношение между расходным бюджетом и предполагаемым национальным доходом. Госплановские спецы путем всяких розовых исчислений увеличили национальный доход до 28 миллиардов, и таким образом получилось, что наркомфин должен изъять не половину, а лишь одну треть дохода. *Эту сфабрикованную для удобства пропаганды цифру решено признать открыто. Но и в таком смягченном, подтасованном виде соотношение расходного бюджета и национального дохода все-таки страшное.*

Дальше еще страшнее. Чтобы оправдать предположенную цифру национального дохода (не 28 миллиардов, а хотя бы только 20), требуется поднять производительность труда в госпромышленности по крайней мере на 17 процентов *и* урожайность крестьянских полей (не совхозов и колхозов, а обыкновенных крестьянских) на 7 процентов.

Как только до этого дошло, выступила сплоченная рать ВСНХ. ВСНХ решительно отказывается взять на свою ответственность такую задачу, как повышение производства, при той «демагогии», которую разводят на фабриках и заводах партийные, комсомольские и профсоюзные ячейки. Забытый было «в политическом разрезе» Куйбышев, оказался вдруг правее правого уклониста Томского. «Руки прочь от производства», — вот что предлагает ВСНХ всему партаппарату. Производство есть вопрос техники, а не политики, и пока генеральный секретариат не понял этой истины, ВСНХ отказывается принимать директивы о повышении производительности. Требуется раз навсегда оградить «социалистическую промышленность» от «шахтинских штучек» и тому подобных систематических вредительств, которые у нас практикуются партруководством. Единственное, что могут допустить производственники, это чтобы партийные, комсомольские и профсоюзные аппараты помогли перевести рабочих из нынешнего расхлябанного состояния к трудовой дисциплине и беспрекословному исполнению приказаний технического надзора.

Само собой понятно, пленум ЦК таких страшных вопросов решить не мог. Согласились лишь на том, что партия должна помочь водворению на заводах трудовой дисциплины. Но кто может взять на себя руководство такой задачей? Все взгляды, так сказать, устремлялись на Угланова. Он цинично вслух бросил слова: *«Надейтесь на мой авторитет антисталина. Ручательства не дам, но если меня будут считать врагом товарища Сталина, может быть, что-либо сумею».* Так на пленуме определилась кандидатура Угланова в наркомы труда.

Кстати, два слова об Угланове: он быстро приобрел популярность, и ему сделали ее своими нападениями Сталин и Молотов.

Дальше, о поднятии доходов сельского хозяйства. Сталинская партбеллетристика о совхозах и колхозах столкнулась с простым ответом: все это хорошо, как программа на десятки лет, но мы стоим перед задачей, как поднять народный доход в 1928-29 г.г. Задачу надо разрешать в строго бюджетном, годичном разрезе. А в бюджетном разрезе от старых совхозов нета ничего не было, кроме убытков; новые совхозы «гиганты» либо дадут урожай, либо нет; колхозы — песок, одни возникают, другие распадаются. *С чисто бюджетной точки зрения, нет ничего прочного, кроме «индивидуалов», т. е. обычных крестьянских хозяйств.* Если их не поддержать, весь бюджет опрокинется, и все планы индустриализации рухнут. Встал вопрос о дальнейшем повышении цен на сельские продукты. Пойти на денежное повышение? Где средства? Остается повышение товарное, т. е. снижение цен на промышленные изделия, необходимые для деревни. С бюджетной точки зрения пришлось рассмотреть и вопрос о «бешенстве кулаков». «Кулак обесился, жжет колхозы, совхозы, «активистов», комсомольцев. Конечно, нужны «административные меры». Но если волну аграрного террора не остановить какими-то смягчениями, то удар по народному доходу будет колебать все бюджетные расчеты, потому что жгут ведь часть дохода. *Пришлось идти на то, чтобы дать директивы о практическом смягчении классовой политики в деревне и, в частности, поднять кампанию, убеждающую крестьян, что переход в колхозы откуда не уничтожает индивидуальных хозяйств, наоборот, в колхозах семья непременно будет вести свое личное хозяйство; точно также будет предписано низовому аппарату, чтобы он не требовал от сельско-хозяйственных коммун упразднения семейного быта и семейных хозяйств.*

Партбеллетристика о «социалистическом строительстве» столкнулась и с вопросами о продовольственном и товарном тупике. По оглашенным на пленуме данным, тупик превосходит материальные предпосылки к нему. Наличность товаров позволяет снабжать потребителя лучше, чем он у нас снабжается. *Все дело в том, что «мы пересоциалистили распределительный аппарат», понадеялись на кооперацию, а коопе-*

расщеплен, разорван в клочья, и живет отдельными колониями в самых разнообразных уголках земного шара».

Все это знают Кольцов и кольцовы, в руках которых находится сегодня судьба этого народа. И что же они предлагают армянам, кроме этих набивших оскомину слов сочувствия и сожаления? Кольцов всем стремящимся свить свое гнездо у подножья священного Арарата армянам предлагает довольствоваться обозрением его красивого вида издалека и изображением его на гербе. И не больше. Дальше идти он не советует, ибо там непреодолимая *крутизна* и *опасность*. Да и красивым то видом любоваться может, благодаря тем же кольцовым, лишь *треть* армянского народа, ибо остальная часть «несчастного народа» выгнана «дружественной державой» из родного очага и бродит, как затравленный зверь, по всему свету.

«На месте основной, первичной базы армянской народности царская Россия числила Эриванскую губернию и Карскую область» — говорит большевистский наглец, который ничуть не стесняясь того позорного факта, что *советская Россия даже половины этой базы не захотела удержать для задыхающегося от малоземелья народа, предлагает воспользоваться великодушным разрешением «дружественной державы» и любоваться «красивым видом» этой «издевательской горы».*

Большего издевательства и представить нельзя!

Есть такая порода людей, которая в своей безнадежной защите большевиков утверждает, что если их можно иногда обвинять в забвении государственных интересов России, то зато они в вопросе о защите прав малых народностей выше похвал.

Великое и вредное недоразумение. *Кто предает собственную нацию, тот не может защищать чужую.* Доказательство тому — фельетон г. Кольцова, пронизанный глупостью в понимании государственных интересов России и цинизмом по отношению к трагедии одного из малых и наиболее пострадавших народов.

А. Хондкарян

ОТ КОНТОРЫ «ДНЕЙ»

КОНТОРА «ДНЕЙ» ПРОСИТ ПОДПИСЧИКОВ, НЕВНЕСШИХ СВОЕВРЕМЕННО ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ, ОЗАБОТИТЬСЯ СКОРЕЙШИМ ЕЕ ВНЕСЕНИЕМ, ДАБЫ ИЗБЕЖАТЬ ПЕРЕРЫВА В ПОЛУЧЕНИИ ЖУРНАЛА.

рания превратилась в казенную лавочку. Вместо кооперации, которая должна быть организованной самодеятельностью, мы получили второе и очень скверное издание «наркомпрода». *«Партия должна взять решительный курс на кооперативную самодеятельность». Это было общее пожелание, к которому присоединились даже Орджоникидзе и Молотов. Оно принято к сведению. Такие удивительные достижения возможны для цифр.*

Самое удивительное все-таки произошло с вопросом о самокритике. Резкую ноту внесли куйбышевские хозяйственники. Они высказывали, что только «деловая» самокритика, от случая к случаю, *приводит к сплетничеству и разрухе.* Должно быть принято направление принципиальное. «Почему наше партруководство уничтожило публицистические отделы в толстых журналах?» Высказано было пожелание, чтобы были приняты меры к восстановлению принципиальной публицистической критики в журналах, а также чтобы соответственным образом инструктировать селькоров и рабкоров.

В общем, сталинцы оказались неподготовленными к сражению цифрами. Сам Сталин производил впечатление человека, который самоуверенностью хочет прикрыть растерянность и непонимание, что собственно происходит. И как было ему понять, когда, *не возражая принципиально, с ним даже соглашались, и лишь старались его же принципы применять к деловой обстановке текущего момента?. Порой он удивленно смотрел, что товарищи смеются.* Ему задавали *ехидные вопросики. На него покрикивали. Углановская фраза, подчеркнувшая непопулярность Сталина в стране и в партии, имела успех. Бухарин бросил фразу о бюрократах, которые уклоняются от всякого общения с массами и пытаются руководить жизнью, не имея о ней представления, из кабинета. Сталин сделал вид, что он не придает этим словам смысла личного намека.*

Из России пишут:

I. Коммунизм выходит из моды

(ПИСЬМО МОСКВИЧА)

... Приходится сделать заключение, что коммунизм у нас вышел из моды. Пожалуй, этому соответствует упадок экономической зависимости от партии. От партии сейчас жизненно зависят — либо дадут заработок, либо отнимут — собственно, лишь интеллигенты, да еще тот слой рабочего класса, который для чернорабочих слаб или изможден, а для квалифицированного труда не имеет технической выучки.

Чернорабочему настоящему, который физического тяжелого труда не боится, теперь на партию наплевать. Таких рабочих не хватает, их приходится разыскивать. Ведь у нас индустриализация. А среди квалифицированных рабочих своеобразное правило: «Хочу, пойду на работу, хочу — нет». Если кому случится выпить, или надо съездить за хлебом, или есть домашний заказ, или надо что-либо сделать в своем хозяйстве, он не приходит на завод 2-3 дня, и даже дольше. Расчет? Пожалуйста: на бирже труда огромный, ненасытимый спрос на рабочих специалистов. Индустриализация в каком-то, еще не вполне определившемся смысле оказала коммунистам плохую услугу: она вывела из кабалы довольно значительную часть живущего в городах, постоянно или временно, населения.

За последнее время часто приходится встречать коммунистов и комсомольцев, которые хотя и числятся еще в организациях, но уже не платят взносов, не посещают собраний, отлынивают от работы. Почему отлынивают? «Некогда», «надоело», «ну их к черту», «хочу делу выучиться». Затрудняюсь объяснить, почему это происходит, но факты такие на глазах постоянно: грамотные парни (беспартийные, конечно) быстро втягиваются на заводах в ответственные, трудные, требующие напряженного внимания работы и приобретают квалификацию. Среди комсомольцев и партийцев попадаются люди толковые, старательные и, в сущности, способные, но с систематическим трудом у них не налаживается дружбы: не выдерживают «тяжелого воздуха» и жара, например, около мартенов, нервничают до истерики там, где требуется напряженность и спокойствие, например, в котельно-клепальных отделениях: не дается им производственная, скрупулезная чистота и опрятность, например, в красильном деле; в механических мастерских им не хватает выдержки, точности... Не знаю, как объяснят этот интересный факт психологи или социологи. Но среди рабочих сложилось твердое убеждение, что «от партийной начинки в мозгах работе один вред». И если видят хорошего способного парня, то ему дружески советуют: брось-ка, брат, партию, тогда человеком станешь...

И вот что еще интересно: как только парень «откачется от партии», выкинет эту дурь из головы, с работой у него завязываются ладные отношения, является и выносливость, и выдержка, и точность. Поладить же с работой, выучиться серьезно мастерству теперь действительно значит «стать человеком»... Партия и комсомол всецело зависят от начальственного усмотрения, мастеровой же, пока еще не выдохлась наша индустриализация, находится в том классе населения, который приобрел самостоятельность: не в одном месте, так в другом, а знающий свое ремесло специалист без заработка не останется. **Появление такого независимого класса вносит нечто новое, революционное, в тот порядок вещей, который завел было в России Ильич.**

Как-то незаметно появились и другие новинки. Вот, например, в вузах и втузах существует такое же убеждение, как и на фабриках среди рабочих: среди партийцев есть не мало способных студентов, но пока они партийцы, их зубы не грызут гранит науки; но если партиец, хотя бы и не порывая формально с партией (чтобы не лишили стипендии), внутренно от партийной догматики отходит, **то наступает резкая перемена: студент тот же, но его зубы приобретают способность прекрасно вгрызаться в «гранит».** У профессоров есть этому определенное объяснение: приближение к науке и усвоение ее сути возможно лишь при совершенно свободном критическом подходе, а так как ленинизм упраздняет именно свободу научного исследования, то при нем, т. е. при вере в учение Ленина, успех в науке невозможен. Верно это объяснение или неверно, вопрос иной. Но убеждение, что коммунистическая партийность так-же мешает приобрести серьезные знания в вузах, как не дает она стать «самостоятельным человеком» на заводах, возникло. А вывод из такого убеждения только один возможен: совершенно дурацкая партия, и принадлежать к ней умному человеку не совсем прилично, да, пожалуй, и невыгодно.

Много разного в нашей жизни подсказывает совершенно такие же заключения. Вот сейчас в Москве разыгрывается «потешная забастовка» в частных предприятиях. Происходит что-то, на первый взгляд, странное и непонятное. Частные предприниматели вдруг почему-то не пожелали заключать новые коллективные договоры (это в Москве-то, откуда по одному кивку в 24 часа можно вылететь в Нарым). Власть же, вместо того, чтобы просто «нажать», мобилизует партийцев, партийцы организуют забастовочные комитеты, из отдельных комитетов составляется общий комитет, расставляются по Москве «пикеты», чтобы недопустить к бастующим предприятиям штрейкбрехеров. Совсем, как в хороших буржуазных домах, хотя совершенно непохоже на наш стиль: ну какой же частный предприниматель в Москве осмелится объявить локаут или иметь дело в штрейкбрехерами? **Наблюдая это замечательное зрелище, рабочие, смеясь, рассказывают, что партийные комитеты честью просили и угрозами заставляли предпринимателей оказывать сопротивление и довести дело до забастовки, говорили предпринимателям, что за видимое оказательство сопротивления ничего плохого не будет, а будет только хорошее, а кто из предпринимателей не поможет партии устроить забастовку, тому придется скверно. Говорят также, что всю эту историю затеяла комячейка Наркомтруда по указаниям свыше, так как устройство забастовки в Москве понадобилось для каких-то пропагандистских целей по линии Коминтерна, чуть ли не для поучения германским рабочим: вот, мол, как наша коммунистическая власть ломает сопротивление капиталистов, не то, что ваши германские социал-предатели.**

Откуда наши рабочие узнают такие, без сомнения, очень секретные подробности, трудно сказать. Но знают, говорят открыто и хохочут: **«Так, товарищи, спасибо, что показываете, как надо забастовки устраивать, может нам в госпредприятиях это скоро пригодится»...** Ну и какое же мнение может быть о партии, которая пускается на такие фокусы...

Сплошное издевательство получается из новоизобретенного лозунга о борьбе с правым уклоном. На широких собраниях, т. е. с участием беспартийных, даже отпетые коммунисты не решаются

распространяться о кулацкой опасности и прочих жупелах, вытекающих из этого лозунга. Первый и уничтожающий вопрос со стороны рабочих, когда им об этом говорят: **«А как же вы, товарищи, иностранных концессионеров приглашаете? Иностранцы, значит, будут, по вашему, не буржуазы, и не кулаки?».** Надо указать при этом, что во всех слоях населения и, пожалуй, особенно среди рабочих, накопилось большое раздражение против иностранцев. И упоминание о призыве иностранных капиталистов одновременно с приказами разорять русских зажиточных крестьян, звучит потому весьма раздраженно. А ответить коммунисты ничего не могут.

Что-то произошло неладное в партийном руководстве. Нельзя противоречивость поступков доводить до абсурда и в то же время, и притом открыто, правой рукой посылать воздушный поцелуй иностранным капиталистам, а левой душить русских крестьян, т. к. из них в будущем могут образоваться капиталисты. И наблюдатели в стране, естественно, делают вывод, что начальство, так поступающее, либо состоит из отпетых дураков, либо из прохвостов, которые ведут себя, как приказчики иностранцев. Казалось бы, не трудно заранее представить это впечатление. Но руководители партии потеряли способность представлять даже такие простые вещи.

Что же получается в результате? Высшее начальство призывает. Газеты пропагандируют. **Но перед беспартийными, даже в Москве, пропагандисты выступать стесняются. В Коломне же, Богородске и вообще в подмосковных городах, на приказы «выявить кулаков» отвечают: у нас кулаков нет. Были,** но выведены в расход. И как иначе ответить, если о таких глупостях стыдно говорить перед народом. А еще ниже, в волостях и селах, отношения еще проще. Там, если коммунист «наш», т. е. если он считается в партии лишь для удобства и некоторой общей пользы, то ничего. **А если он, действительно, хочет следовать глупым и вздорным и вредным указаниям партийного центра, то его жгут, выжигают, как выжигали бар. По слухам, которые распространены в Москве, сейчас по всей России деревня вплотную принялась «выпаривать партийцев». И сами партийцы говорят об этом грозном явлении, как помещики говорили об «иллюминациях» 1905 года:** зубоподобные свирепы, а рассудительные сопоставляют причины и следствия, подобно прежним либеральным земцам, и только вздыхают: «сами виноваты, довели».

3-4 года назад среди молодежи было поветрие: «в партию, в партию». Стать коммунистом считалось многими как бы идеалом. Теперь под коммунистом разумеют по преимуществу бездельника. Это — пропащий человек, который даже самому себе мешает жить, и притом дурак. Сложилась уверенность, что только ослы способны серьезно верить тому, чему учит партия. И двусмысленно ведут себя сами коммунисты. Многие из них при всяком сколько-нибудь удобном случае стараются сказать или хотя бы дать понять: «Я хоть и партийный, но, разумеется, таким глупостям верить не могу». К чему все это складывается, угадать не берусь, но коммунизм из моды выходит...

II. Письмо агронома—общественника

Нижеприводимое, с некоторыми сокращениями, письмо отправлено из России в конце октября. До нас оно дошло только теперь.

Высказываемые автором предположения в значительной мере, судя по газетным отчетам о 3-ей сессии ВЦИК-а РСФСР и съезде наркомземов СССР, подтверждаются и оправдываются.

**
*

Главный вопрос, который подготовляется к разрешению на сессии ВЦИК'а и на съезде наркомземов, это **как преодолеть крестьянскую посевную забастовку?** План, намеченный коммунистами, работающими в советском аппарате, и спецами, можно свести к следующим основным положениям:

1) Для борьбы с кулаческими слоями до сих пор сельскохозяйственный налог у нас взимался с площади посевов. Это значит, что при среднем равенстве земельных наделов условный бедняк платит мало или ничего, потому что он лишь ничтожную часть земли засевает, кто же старается больше засевать и для этого иногда пользовался не только своим наделом, но и брал часть общественных или соседских участков в аренду, тех мы облагаем налогами в полной мере и условно относим в разряд кулаков. **Такой способ обложения у нас давно уже считается премированием беспосевности и наказанием за трудолюбие. Посевная забастовка крестьянства принудила подвергнуть этот способ пересмотру.** Налог решено исчислять не по площади посева, а по площади пашни. Равная площадь земли — равные и налоги, независимо от того, сколько кто засевает. Кто больше засевает, тот больше имеет выгоды от землепользования, вот и все. Это, как полагают, подстегнет крестьянство к расширению посевов, сломит полную забастовку, а вместе с тем разорвет связь между понятием «кулак» и размерами посевной площади.

2) До сих пор в целях той же борьбы с кулаками, налог **исчисляли с общего дохода** от хозяйства, не принимая во внимание, сколько в хозяйстве рабочей силы. Многосильные хозяйства у нас **попадают в разряд кулацких часто только потому, что они многосильные.** Считается, что если в хозяйстве 15 гектаров посева, 3 лошади, 4 коровы, то оно кулацкое. Между тем в таком хозяйстве часто 5-6 взрослых работников. И вот, чтобы освободиться от неприятностей, связанных с принадлежностью к кулакам, такие семьи у нас во множестве делятся, дробятся, и вместо **одного крепкого хозяйства получается 2, 3, 4 слабосильных, часто даже неспособных справиться с землею.** О необходимости и бороться против семейных разделов и дробимости хозяйств у нас говорят давно. Но нынешнее решение партии усилить нажим на кулака заставило подойти к больному вопросу о семейных разделах практически. Решение найдено в том, чтобы налоги определять **не с общей суммы дохода, а с дохода на едока.** Примерный случай для пояснения этого различия можно взять такой: если хозяйство дает дохода 960 рублей в год, то оно относится в разряд кулацких; но если в таком хозяйстве 16 едоков (считая и малолетних детей), то на едока придется лишь 60 рублей в год, т. е. пять рублей в месяц, ниже прожиточного минимума, и при таком исчислении то же самое хозяйство необходимо отнести в разряд бедняцких.

Эти предположения встретили большое сочувствие в «левых» партийных кругах. Даже такие крайние «противокулачники», как Ларин, относятся с полным одобрением. Правда, им кажется, больше всего нравится мысль о том, чтобы изменением пологового нажима сломить посевную забастовку. Но это различие в подходе не так существенно.

Очень большой и тоже давний вопрос об установлении объективных признаков «кулачества». Поставят этот вопрос по настоянию объединенных земотделов Центрально-черноземной области и Центрально-промышленного района. Дело в том, что в этих районах хозяйство с 2-3 лошадьми уже относится в разряд кулацких. Между тем Украина и, особенно, Среднее Поволжье и Заволжье рассматривают иначе: пара рабочего скота — бедняк и только если есть 3-4 вола или лошади, хозяина относят в разряд середняков. Такое различие грозит тем, что центральные области окажутся в подавленном положении к большой выгоде для Украины, Поволжья и других степных районов. Для прекращения разнобоя указания должен дать съезд наркомземов. **Надо добавить к этому, что против низкого определения признаков кулачества особенно резко возражает немецкое Поволжье. Наркомзем поволжских немцев доказывает, что без 4 лошадей в хозяйстве справиться с землею и обработать ее как следует невозможно. Если немцы разовьют на съезде эту точку зрения и будут на ней настаивать, то вопрос об определении объективных признаков кулацкого хозяйства вероятно будет разрешен в более благоприятном, чем до сих пор, смысле.**

Есть еще очень трудный вопрос, который подготовляется для сессии ЦИК'а: это вопрос об аренде и землеустройстве. **Вопрос землеустройства сводится к ограничению переделов, так как, вследствие частой переделяемости, земля не удобряется и истощается, и к выделам из общины с таким расчетом, чтобы крестьянские хозяйства разделились на группы по внутреннему между ними родству и сходству. К лозунгу партии о колхозном строительстве наша агрономия подходит с точки зрения максимального охвата индивидуальных крестьянских хозяйств различными формами сельскохозяйственной кооперации.** Опыт показал, что нынешняя деревня слишком хозяйственно пестра и противоречива. Есть безнадежно лодырные землепользователи, а среди старательных хозяев одни имеют животноводческий или плодовой и вообще рыночный уклон, другие склонны развивать зерновые посевы и замыкаться при данных условиях и ценах на промышленные изделия в тип обособленного натурального хозяйства. С точки зрения нашей общественной агрономии, все эти типы одинаково законны, но им надо размежеваться, и только тогда можно будет серьезно говорить о кооперировании.

С этой же точки зрения агрономия подходит и к аренде неиспользованных внутринадельных земель. Горе в том, что аренда эта, по причине борьбы с кулачеством, во многих местах стала привиллегией деревенских коммунистов, «коммуноидов» (так у нас называют коммунистических родственников) и «сексотов», т. е. хитрых хозяйчиков, которые сотрудничают в ГПУ. Обеспеченные своими связями от опасности попасть в разряд кулаков, эти арендаторы относятся к земле самым хищническим образом. Вот почему наша агрономия пошла на сокращение 9-летнего срока аренды до 6 лет, хотя теоретически сокращать было неправильно, так как это препятствует удобрению земли арендатором.

Проект землеустройства и новых правил об аренде пущен на предварительное обсуждение по деревням. **Главная заноза в нем та, что он разрушает или подрывает силу земельных обществ и усиливает значение сельсоветов:** без этого нынешнюю деревенскую кашу, повидимому, нельзя размежевать на внутренне стойкие типы хозяйств. В проект введены и уже действующие новые правила, допускающие возможность выделов **без согласия земельного общества, по требованию определенной его части.** Какие результаты даст обсуждение проекта по деревням, пока неизвестно. Но отдельные сведения позволяют думать, что особенного противодействия не будет. Крестьянам нынешнее положение до смерти

надоело, тот или иной выход нужен всем. Очень любопытно то, что во многих местах крестьяне требуют понижения намеченного проектом 6-летнего срока аренды до 3 лет. В этом сказывается раздражение деревни против нынешних арендаторов.

В окончательном виде, т. е. с замечаниями деревень, проект поступит на разрешение ЦИК'а.

III. Ходоки в коммунах

(ИЗ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

...Крестьянствовать стало невозможно. Богатые теперь наживаются не в пример прежнему, загребают и грабят, как бывало и живоглоты не загребали. Да та еще разница, что прежняя копейка в прок шла, а нынче копейки бешеные. Прежде и живоглоты деньгу берегли и в дело ее пускали. У иных и нечестные были приобретения, но в деле они давали людям честный заработок. Прежний живоглот и «тысячу рублей наживши, все-таки махорочку в трубке курил», за обедом у него были щи да каша, а на ужин — когда сырой капустки, когда тюря. Нынешнему живоглоту, чуть он маломальски бедных людей обобрал, подавай папиросы «Зефир». Каждый день норовит жрать курятину, и чтобы на закуску белорыбица, балык да икра, да еще чтобы мамзель была. И от таких неправедных денег никакой пользы, один разврат. Советская власть верно говорит против таких живоглотов-кулаков. Но поступки у нее совсем этим ее словам не соответствуют.

Лучше прежнего теперь жить еще пьяницам и лодырям. Лодыри и прежде были. Но тогда их нужда заставляла честно трудиться. Если и воровали из них которые, то из десяти разве один. А теперь лодырям уже очень вольно стало, как тараканам у нерадивой хозяйки: по всему государству мирские куски без призора валяются.

Среднему же крестьянству совсем плохо. Если и есть какой прибыток в хозяйстве, скорей его ешь. Что съел сам, то и твое. Оставить на племя или на семя боязно и расчета нет; отберут да еще и в кулаки запишут. Оттого и к работе сердце не лежит и руки не подымаются. Хозяйство тогда хорошо, когда успеху труда своего радуешься. А когда даже успех тебя не радует и только тревожит, как бы не заметили, да не записали, это уже не хозяйство, а мука одна.

Вот по этой причине **наши средственные крестьяне стали склоняться к тому, чтобы завести «коммуны».** Самим все равно плохо, из детей при работе спустя рукава растет нивесть что, в коммунах же, говорят, отымать от хозяйства соки нынешняя власть не допускает. Правда, в коммунах хлеб отбирается по казенной цене, но лучше уже на том терпеть убыток, чем жить в полном опущенном состоянии. Все это мы между собою обсудили, и прежде, чем окончательно решиться, послали трех беспартийных, конечно, ходоков, чтобы посмотреть, как люди в коммунах живут. Ходоки пошли по старинке, вроде как на богомолье к Тихону Задонскому. Пространствовали они семь недель. Коммун видели побольше двух десятков. Но утешительного рассказывают мало.

Главная, сказывается, беда в коммунах, это — партийцы и особенно комсомольцы. От их слова все зависит. Если на кого доносят, человек пропал. Чувствуя за собою такую силу, они работать не хотят, руки в общую кассу запускают без всякого стыда, пьянствуют, выражаются непристойными словами. Только в одной коммуне ходоки не видели этой мерзости, но в той коммуне сами крестьяне с самого начала записались в партию. В той коммуне бар нет, работают все ровно. Но то старая коммуна. Теперь такую устроить невозможно, так как крестьян в партию уже **не** принимают.

В большей части коммун жизнь монастыря. Старший, как игумен, назначает на работу и мужчин и женщин. У каждого горенка, как в монастырях келья, у мужчин своя, у женщин своя. Обед и ужин, как трапеза, но без чистоты и порядка. А сходятся, как было бы, если бы монахи и монашки в общих корпусах жили. Для детей же особая изба, их отдают нянькам. Иная мать кормит свое дитя грудью, а иная и нет. В коммунах, где такой порядок заведен, женщины норовят зачатых младенцев выкидывать. По этой причине установили правило, , чтобы женщину, если она забеременела, в течение года освобождать от полевых работ и дойки коров. После этого правила началось другое: все женщины стараются поскорей забеременеть, и женскую работу выполнять некому.

Работают, как в барской экономии, лишь бы восемь часов отбыть; плата — четвертак в час, но бывает и больше и меньше; если старшой приказывает работать больше восьми часов, то часы считаются сверхурочными. Часы записываются каждому. А так как деньги в коммунской кассе бывают редко, то каждый норовит забрать в счет платы продуктами: берут яйца, масло, цыплят, поросят, картошку, капусту, зерно, что кому случилось. Продают на сторону и сами едят, что послаще, не довольствуясь коммунскими обедами и ужинами.

Школ для детей в таких коммунах совсем нет. Коммуны говорят: не дает средств правительство. А правительство, как видно, полагает, что коммуны должны доставить средства из своего хозяйства. Но при таком ведении дела не может быть средств. Только тем и поддерживаются, что с окрестных крестьян дерут за все втридорога: и за помол, и за пахоту с безлошадных бедняков казенными тракторами, и за пригон скота к казенным жеребцам и бугаям.

В трех коммунах наши ходоки видели другой порядок: **работа, а в одном месте и земля, поделена по семьям.** Платы за часы нет, да часы и не считаются: каждая семья ведет свою часть и плату получает от прибыли своего труда. Тут дело идет веселее, но кто побольше заработал, тот вкуснее ест, наряднее одевается; одни душистым мылом моются, у других и серого не вдоволь. Через это происходит зависть, хозяйство же силами не наполняется; прибыли не в землю идут, а в рот.

Живут, как где. Где сообща, как в монастыре, а где и по избам, каждая семья отдельно. Но разлад через баб повсеместно. Нерадивые бабы очень коммунами довольны, особенно если живут в коммуне сообща и работают по часам. Говорят так: вставать до света не надо, заботы нету; отработала свои часы и гуляй. Такие бабы выражают, что коммуна их от каторги освободила. Но бабы хозяйственные очень в коммунской жизни тоскуют. Говорят, что лучше сухую корку грызть, но иметь свой угол, хоть землянка, да свся, хоть одна курица на дворе, да мой двор и я на нем хозяйка. Через это из коммун многие бабы уходят, забирают своих детей и возвращаются в деревню. Бывает это даже без всякой ссоры с мужем, а только потому, что бабья душа по своему хозяйству тоскует. Что же касается средств для жизни, то муж все равно должен платить на содержание детей алименты.

Через это же самое грязь в коммунах, как в окопах на войне, и даже еще хуже. Полы не только не моются, даже не метутся аккуратно. Клопов, тараканов, вшей, блох — сила неогребная. Пища готовится — глядеть на нее тошно. Нерадивые бабы, известно, ко всему нерадивы. А прилежным бабам никакой нет охоты за других работать. По деревням плохие хозяйки все-таки соседок стыдятся. В коммунах же этого хозяйского стыда не видно. И жизнь совсем неаккуратная. Жрут, порою, жирно и свыше человеческой потребности, а спят на клопах, чешутся, как свиньи, и в жилье грязнее, чем у хорошего хозяина в хлеву.

Конечно, и в наших деревенских хатах не то, что мы в Германии во время войны видели. Но коммунская жизнь, как говорят ходоки, так же отличается от нашей деревенской, как наша деревенская изба от крестьянского дома в Восточной Пруссии, в смысле т. е. чистоты.

После всего этого всякая охота говорить о выходе в коммуны у нас **пропала.** Надо придумывать что-либо другое...

IV. О Сидоровой козе...

... Лучше поздно, чем никогда, собрался вам написать про свое житье-бытье. Письмо ваше я получил 15-го сентября, или же 28-го сентября по новому стилю. Но по случаю спешной работы по сельскому хозяйству мне не пришлось сейчас же ответить вам, но, я думаю, что вы за это на меня не сердитесь. Я сейчас дома остался один со своей женой, а папа перешел в ... на свою родину, где еще находятся у него две дочери, а я закопался в деревне, в навозе, и занимаюсь сельским хозяйством.

Но все бы ничего, да одно плохо: земли имею всего на три души в трех клинах, вместе около четырех десятин. Так, что протопить своей хаты нечем, а арендовать власть не допускает свободно. Какую снимешь, то **за эту землю дерут, как сидорову козу, и нет никакой пощады.** Так вот с меня за аренду в количестве трех с полов. десятин, — кроме того, что я за нее уплатил владельцам этой земли за аренду — власть наложила на меня **сельско-хозяйственного налога 85 рублей и еще будет самообложения 50 процентов на эту сумму.**

Теперь вот я решился **промотать свое хозяйство** и жить своей лишь душевой землей. **Лошадей продаю всех, а также и остальной скот, и буду жить пролетарием...**

Живем без перемен, **а хлеба не хватает.** Очень, очень жаль, что я с вами не могу видеться лично. Я бы вам многим бы поделился кое о чем, ведь мы с вами вместе были на фронте...

В ... я живу одиноко. Здесь есть классовое деление: как вы не делаете для людей хорошо, но на вас смотрят, как на своего врага. Народ изжульничался, — сделались настоящие дикари. И вот я решился покинуть этот трущебный угол и переселиться куда либо в другой край или место. (Воронежская губ.).

V. Голос бедняка

(ИЗ СЕЛА ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

... Половина нашего села перешла в баптизм. Была из за этого между нами неприятность. Но когда приехал наш нынешний священник, он созвал и православных и баптистов и сказал речь, что друг друга нам убеждать не время и состязаться между собою

нам надо не в неприязни, а в любви христианской. Священник предложил нам **совместное братство евангельской взаимопомощи.** Если у кого беда или нужда, так чтобы помогать совместно, и чтобы каждый давал на это честно по своим достаткам. Батюшка советовал сразу основать капитал. Баптисты против капитала возражали, так как капитал могут большевики у нас отобрать, но в братство евангельской взаимопомощи они вошли с полной готовностью.

Правление мы составили таким образом: 2 человека от православных, 2 человека от баптистов и, кроме того, с нашей стороны церковный староста, а с их стороны наставник; правило им мы дали такое: если помощь баптисту, то в правлении председательствует и голос подает православный староста (а баптистский наставник без голоса), а если помощь православному, то председательствует и голос подает баптистский наставник (а наш староста без голоса). И когда мы все это устроили, жизнь у нас пошла хорошо. Уж именно состязание произошло в деле любви. Православные старались перед баптистами в хорошем отличиться, а баптисты перед православными.

Так протекало у нас побольше года без помехи. Но в октябре месяце потянули нас к Понтию Пилату. «У вас неразрешенное общество». «Нет, говорим, у нас никакого общества, а взаимопомощь. А это наше частное дело. Когда видим кого в беде, тому мы помогаем, а советский закон этого не возбраняет». После этого **взялись** за некоторых наших зажиточных односельчан. «Вы помогали таким-то и таким-то беднякам?». «Да, помогали». «Сколько вы в их пользу давали?». «Столько-то». «Ага, значит, вы сознаетесь **в подкупе** бедноты?». «Ни в каком подкупе мы не сознаемся. Помогать же бедным мы считаем себя обязанными по долгу любви христианской». **За такие речи шестерых посадили в тюрьму, 4 баптистов и 2 наших.** Некоторые из односельчан соблазнились было взяться за колья, но священник и баптистский наставник убедили этого не делать, так как, говорили, дело любви без жертв не бывает, и врагов рода человеческого побороть надо оружием Христовым.

Так вот и сидят покамест наши шестеро односельчан. Утешаем семьи их, помогаем в работах. Посылали мы ходоков в вик и рик. Узнали только, что наших узников и страдальцев обвиняют в подкупе бедноты. Все **беднейшие хозяева собрались, пригласили к себе коммунистов и единодушно заявили, что никакого подкупа не было.** Но власти нынешние совершенно не могут понять, почему люди помогают ближнему и думают, что это делается из корысти. Решили мы еще написать об этом знакомым рабочим и ближних и дальних мест: пусть знают и обсудят. Пишем и губернским властям, напишем и в Москву. Пусть власти наши или прямо скажут, что помогать друг другу по их законам под страхом ссылки, как угрожают нашим односельчанам, заключенным в тюрьму, запрещается. Тогда это будет свидетельство нынешней власти о том, какого она духа и от кого исходит. А если она такого свидетельства о себе дать не хочет или страшится, пусть заключенных односельчан наших освободит и право наше помогать друг другу признает...

Сам я принадлежу к числу беднейших в селе, и голос мой — голос бедняка, а не кулака.

VI. Из разных мест

Как пропала школа

Прошлой весной и наш поселок и соседей задушили самообложением, брали со всех в размере сельхозналога, а с иных еще больше. Форменный был грабеж. Но в нашем поселке решили в том смысле, что если и трудно, то чтобы была, по крайней мере, польза, — постановили сумму обложения в размере 2.250 рублей употребить на постройку школы. **Деньги были собраны. Но школы нет.** На отчетном собрании стали спрашивать, когда же школу строить, почему лето пропущено? И вот, оказалось, что **450 рубл. на праздник 1-го мая израсходовано, 600 рублей на угощение рика, 450 рублей дали комсомольцам на какой-то культ-поход, а 800 рубл. послали за границу на поддержку забастовки.** Расход с приходом сошелся, ровно 2250 рублей, а на постройку школы собирай деньги сначала, но, сколько выходит, все-равно часть будет пропита, а часть за границу пошлют на поддержание забастовки. (Воронежская губ.).

Партийцы под ревизией

Большое огорчение вышло для наших партийцев. У нас их три семьи, не считая комсомольцев. **Записали себя они в бедноту, налогов не платят, а живут хорошо.** В других местах пьяниц много среди ихнего брата, но наши ничего, — трезвенные и насчет хулиганства или безобразия, нельзя сказать, — степенные даже люди. Насчет налогов маленько нам обидно, но так как и от них обществу иногда перепадает польза, то это терпимо. Только вдруг приехала к нам внезапная ревизия. А как на грех, у одного партийца были именины: пирогов было напечено, поросенка зажарили и водочки, конечно... Собрались люди свой семейный день по-хорошему провести... Очень строго ревизоры с этими партийцами обошлись, — со днем ангела так поздравили, что, пожалуй, до смерти именин этих своих не забудет. Строго и других допрашивали, почему лошади, почему коровы, почему свиньи, почему большие огороды?.. Созвала после того ревизия сход и поставила вопрос — **всех троих за сокрытие имущества от сельхозналога и самообложения оштрафовать в десятерном размере и не за один год, а за два года.** Конечно, оштрафовали. Говорят, будут еще партийным судом их судить. Иные очень теперь над ними смеются. А по совести, — жалко: разорили людей, можно сказать, ни за что.... (Тамбовская губ.).

Возле Благовещенска

Очень стало туго с хлебом. Подвоза нет. Свой урожай был плохой, да и много полей погибло от наводнения. Была надежда на закупки в Китае. Но в Манчжурии тамошние власти под тем предлогом, что у них продовольственное положение тоже стеснительное, ответили, что они разрешат вывезти в СССР только для поддержки живущих у нас и пострадавших от наводнения китайцев. На китайцев малое количество зерна и бобов из Китая привезли. Но русским неизвестно как — **зима подошла, а есть нечего.**

С весны мимо нас двигались рыбаки из Астрахани. Ехали они, среди другого народа, на Камчатку. Кое-кто и из наших мест туда двинулся. Это потому, что после землетрясения в Японии тихоокеанская селедка пошла к русским берегам. **Рассказывают о баснословных ловах.** Одна эта перемена в рыбном ходу могла бы обогатить наше тихоокеанское побережье. Но при нынешней власти ничто на пользу не идет. В Москву, слыхать, японскую селедку русского улова отправят. Но мы ничего не видим. **И народ от нас разбегается, куда глаза глядят.**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Своя своих не познаша

П. Б. Струве в «России и Славянстве» дает во многом совпадающую с нашей (см. «Дни» № 13) отповедь евразийцам.

Внешность «Евразии» совершенно «эмигрантская», ничего ни географически, ни даже «геополитически», особливо евразийского в ней нет; редакция пребывает в парижском пригороде Кламаре, и только gerant носит странную фамилию Bisnovaty, в русской транскрипции «Бесноватый».

Со стороны же внутренней «Евразия» полна всем известных евразийских идей и настроений, выраженных на «птичьем языке», в самых хитростных европейских словах и оборотах: «мутационный период», «потенцирование», «проблематика революции» и т. п.

П. Струве полагает, что «до последнего времени в евразийстве все еще боролись как бы две стихии или две души: враждебная большевизму (для краткости — противобольшевистская) и ему дружественная (для краткости — пробольшевистская). На новом евразийском еженедельнике, произведении явно и определенно коллективном, с неведомым даже редактором, можно отчетливо видеть, в какой мере вторая стихия возобладала и даже просто победила в евразийстве. Таким образом моя характеристика евразийцев, как «православных большевиков», вполне оправдалась».

Струве выражает готовность взяться «причесать под идеократию и античное рабовладельчество, и господство белых над неграми, и разные другие известные из истории уклады властвования. И совсем уже чистый пример «идеократии» представляло знаменитое государство иезуитов в Парагвае, где «кучка католических монахов господствовала над тысячами индейцев-земледельцев». Струве отчетливо предвидит, что когда «со своих петель сорвется большевистская дверь», нынешние «левые» (бывшие «правые») евразийцы, умилительно прислушивающиеся к музыке большевистской революции, «поправеют первыми». И он заключает: «евразийство — и его выверты — отвлеченнейшая из всех зарубежная идеология, которая лишь мнит себя выражением реальной политики. Пред-

ставители этой идеологии чрезвычайно неустойчивы и повадливы... Эта повадливость смахивает на безответственное озорство»...

*
**

П. Струве не может не чувствовать своей идеологической и исторической ответственности за евразийство, младоруссскость и прочие проявления озорства зарубежных «бесноватых». Можно понять и сочувствовать его искренней убежденности: я тебя породил, я тебя и убью!.. Но — охота смертная, да участь горькая!.. Ибо когда Струве от изобличения переходит к положительному построению своих «творческих идей в политике возрожденной России», они странным образом и по духу, и по смыслу оказываются воспроизведением, с позволения сказать, творческих идей, если не евразийцев, то их родных и младших братьев — младороссов. Или, чтобы быть точнее, — последние на свой лад воспроизводят и развивают «творческие идеи» Струве.

Струве отказывается видеть в нашей эпохе «какую-то новую эпоху невиданной еще идеократии». Он считает, что и там, в России, и здесь, за рубежом, выковывается «новый, мощный и кряжистый национализм, во многом еще требующий выправки и шлифовки, но бесконечно драгоценный, органический и плодотворный. Все жизнеспособные партии в будущей России будут так или иначе национальными, и самая сильная из них, быть может, так и назовет себя прямо и просто — *русской партией*».

В том же номере «России и Славянства» В. Шульгин, говоря о ему подобных «русских националистах, а попутно, конечно, о «евреях в коже» и «кожаных евреях», восстанавливает реальный, уже забытый было, образ *русского националиста*, каким его — во плоти и крови — только и знает предреволюционная пора. Этот путь русских националистов Шульгин намечает символически в отрицательном суждении, что те, кому не довелось — и, повидимому, и в будущем не удастся — дойти до императорского дворца, обречены на гибель.

Если мы взглянем на только что выпущенное младороссами «Оповещение» № 3, мы увидим, что там говорится приблизительно то же, мечтают о том же, тянутся к тому же...

А что *истинно-русские* «дети» — Казем-Беки, Елиты-Вильчковские, Збышевские и прочие оказались бездарнее своих «отцов» — Струве и Шульгина, — это уже их личная беда, а не чья-либо политическая вина. Идеологически и духовно русский национализм пореволюционного времени, «во многом еще требующий выправки и шлифовки», — прямой потомок русского национализма до революции. И один — стоит другого.

*
**

Мы имеем в виду не орфографию младороссов, пишущих «Русский», «Русская земля», «Русский воздух», «Русская история», «Русский фронт» — не иначе, как с заглавной буквы. Даже не формальное их заявление: «национализм является одним из звеньев нашей идеологии». Мы имем в виду существо младороссской «политики» и «мировоззрения».

Младороссы, по образцу Струве, хотят осуществить «единый фронт, не белый и не красный, а *Русский*». Их «Молодая Россия есть, прежде всего, наследница России старой», императорской. «Мировоззрение, взросшее на пространствах Русской земли, самое неограниченное в своих порывах, самое всечеловеческое». «Оно по природе своей самое прогрессивное мировоззрение... Потому именно мировоззрение Русское так противоречит мировоззрениям других народов... Через смуты и бойню, скользя в собственной крови, она тянется *дальше:* ее движет богоносность». Эта «богоносность» ведет к борьбе «за Русский тип верховной власти: за подлинное, наследственное самодержавие».

Это, конечно, уже младорусское увлечение и преувеличение!..

Младороссы открещиваются от дореволюционного «опошленного национализма». Они не даром славятся совершенно изумительным сочетанием самых противоестественных, чтобы не употреблять выражения Струве: «перверзных», категорий: царя с советами; карловацкого митрополита Антония (да, Антония, которого, кроме «пореволюционных» младороссов, поддерживает только Марков II) с «Верстами»; Галлиполи с «Днями» и т. д. Но на то они и «дети», чтобы *хотеть* быть дерзкими, *хотеть* быть смелыми, а фактически и чаще всего *быть* простыми озорниками.

Такое озорование особенно отчетливо сказывается там, где перезрелые, но недоучившиеся младоросские ребята берутся судить и рядить о том, что является наиболее последовательным отрицанием и неприятием их замыслов и начинаний — о демократии.

Выдавая *свои* чувства и мнения за чувства и мнения Русского человека с большой буквы, младороссы уверенно заявляют, что «для Русского человека февраль не имеет никакой ценности без октября». Все различие между тем и другим в том, что диктатура «попросту осуществила в десять лет то, к чему демократия привела бы через каких-нибудь два-три десятилетия». «Нам — пишут младороссы явно только о себе — европейские мерки не по росту... Как французская лошадь обернулась Русской швалью, как cher ami растворился в шерамыге, так и то, что входило буржуазностью, выходило мещанством. Опыт последнего десятилетия показал, что демократия в переводе на Русский психологический (?) язык обозначает: *хамство*».

И давая полную волю своему безкостному «психологическому языку», младоросские, с позволения сказать, литераторы, заявляют: «Против собственного желания Русский демократ-теоретик — подстрекатель. Русский демократ-практик — ушкуйник, архаровец, марвихер (?), в советской терминологии — хулиган, махровый хулиган всех оттенков и мастей»...

После этого «блатного» языка уже спешишь согласиться с автором, что «*нам*... теперь нужна клиника (а не парламент) и портомойня (а не палата). Вместо декларации прав нужен сальварсан, и смирительная рубашка вместо свободы слова».

Пожалуй, он и прав. Ведь изнутри познать самого себя легче, чем со стороны.

И уже не для обличения писателей, нуждающихся в клинике и портомойне, в сальварсане и смирительной рубашке, а только для справки о границах младорусской безграмотности и некультурности, можно указать на нелепое их противопоставление *политики — быту*.

«Вот, скажем, нам — эмигрантам — нужна теперь свобода жить на Русской земле, дышать Русским воздухом... Вот сельской учительнице нужна до зареза свобода не «сожительствовать» с председателем сельсовета. Безработным горожанкам нужна та же свобода в отношении заведующего биржей труда. Прихожанам сорока тысяч православных приходов нужна свобода хождения в церковь без риска остаться без заработка. Всякому Ивану Ивановичу нужна свобода выхода в шесть часов вечера на освещенную улицу, без неминуемой опасности быть «обложенным» или ограбленным, или избитым, или даже зарезанным «хулиганами» и т. д.

И, оказывается, *«все это — быт. Политика, в обычном ее понимании, тут не при чем!»*. Все эти свободы личности, совести, труда, передвижения и проч., «свободы во множественном числе», «второстепенные французские и британские свободы». Иное дело младороссы. Им надобна «свобода в единственном числе», «свобода элементарная, насущная, бытовая».

О том, что сулила бы России *такая* младоросская свобода, можно судить по откровенной угрозе: «Самую бездушную и самую ужасную тиранию — тиранию демократии (!) новые Русские поколения сумеют задушить в зародыше».

Страшен сон, да милостив Бог!.. Будем все-таки надеяться, что прежде, чем с Россией стрясется такое, перебесится и переведется еще здесь, за рубежом, все «новое поколение» младороссов.

Они ведь и сами сознают и признают, что у них «мысль скачет». По неопытности, им, правда, кажется, что она «ска-

чет» и «мечется по родным просторам». На самом же деле она скачет и мечется в тенетах собственного бессилия, в неудержимом влечении сказать миру непременно свое и новое, *дореволюционное* слово. Скача и играя, младороссы даже не замечают, до чего их новоявленная «младорусскость» близко подходит к «творческим идеям» *дореволюционного*, еще их отцами «спошленного» национализма.

Современник

„Догнать и перегнать"

> «Но как только мы ставим вопрос об укреплении крупной промышленности, сейчас же мы сталкиваемся с одним больным вопросом. Для укрепления крупной индустрии нужны фонды (фонды продовольствия, сырья, дополнительного оборудования и т. д.). И здесь нам грозит опасность очутиться в таком порочном кругу: для промышленности нужны продукты, для получения продуктов нужна промышленность. «Земля на китах, киты на воде, вода на земле; земля на китах»...
>
> «Академик» Бухарин, «Азбука коммунизма»

Казенные газеты опубликовали резолюции, принятые единогласно пленумом ЦК ВКП 24 ноября т. г. Резолюции эти представляют большой интерес с разных точек зрения и, прежде всего, конечно, с точки зрения тех планов хозяйственного строительства, которые намерена осуществить партия собственными силами и силами рабочего класса. (Надо сказать, что в резолюции об участии крестьянства в «социалистическом» строительстве упоминается не всегда... Главные надежды возлагаются на «силы партии и рабочего класса»).

Но резолюция дает материал и для понимания того положения, в котором находится СССР в настоящее время. Надо сказать, что резолюция пропитана каким-то переполохом. Большевики являются опытными мастерами по части составления всяких резолюций. По крайней мере, они выпускают обычно внешне стройные резолюции. На этот раз в резолюциях *нет* даже этой внешней стройности. Как-то безтолково нагромождено одно на другое, безтолково повторяется все время о кризисе сельского хозяйства, о необходимости индустриализации, о «коллективизации» сельского хозяйства, о содействии бедняку... В этой внешней небрежности резолюции отражается очевидно, та обстановка, при которой она составлялась. Надо было, чтобы было «единогласно», надо было, чтобы резолюция не была бы сколько либо яркой, сколько либо решительной... Серединку отыскивать теперь при всяких «уклонах» не так легко...

В резолюции для доказательства успехов «социалистического» строительства приведено огромное количество цифр. Но эти цифры никак не убеждают. Не убеждают прежде всего по той причине, что цифры просто напросто *не внушают доверия*. В самом деле, откуда все эти цифры взяты? На каком основании можно верить данным о валовой продукции сельского хозяйства в 1928-29 году, о стоимости в том же году валовой продукции промышленности? Все эти данные выражены в червонных рублях. А что такое в настоящее время червонный рубль? Увы, он в настоящее время мало пригоден для измерения ценностей. В этой всей статистике много смелости, но совершенно отсутствует основательность. Партия просто не могла еще собрать, проверить и обработать тот материал, который в качестве «точных» данных фигурирует в резолюциях. Как, в самом деле, можно в настоящее время учесть будущую валовую продукцию сельского хозяйства? В резолюции мы читаем: «В 1928-29 году продукция сельского хозяйства составит 18.624 милл. руб.». Но в контрольных цифрах, опубликованных месяц назад, валовая продукция сельского хозяйства для 1928-29 г. определялась другими цифрами, среди которых фигурировали такие: 19.596 мил. руб., 18.378 мил. руб.... Разве, в самом деле, миллиард, хотя бы червонных рублей, не имеет уже никакого значения, чтобы им с величайшей легкостью можно было бы бросаться?.. Партия неизменно исходила и исходит из счастливых перспектив, хотя минувший хозяйственный год показал *полную легкомысленность партийных планов*. Ведь в прошлогодних планах фигурировало же увеличение продукции сельского хозяйства, а теперь даже контрольные цифры признают, что валовая продукция уменьшилась...

Неизменная хлестаковщина продолжает парить во всех этих подсчетах. И все эти «статистические» данные на будущее не внушают доверия не только по той причине, что большевики сейчас учли то, что еще случится в будущем году. (А Сталин как раз на пленуме уверял, что неурожай этого года случился от неблагоприятных климатических условий...), учли то, чего никак нельзя учесть, но и по той причине, что в сущности в резолюции *гораздо больше, чем цифр, имеется паники*. Нынешняя резолюция одна из тех, которые наиболее ярко отражают испуг партии, полное неведение, как выйти из положения. В этом мы убедимся дальше.

Гадая о будущем, где фантазия может разворачиваться беспрепятственно, пленум при характеристике настоящего не мог не признать хозяйственного ухудшения. Резолюция, полемизируя с бедным Фрумкиным, *доказывает, однако, что Фрумкин прав*, прав, прежде всего, в указании на то, что сельское хозяйство падает (деградирует). В самом деле, резолюция свидетельствует о том, что сельское хозяйство в минувшем хозяйственном году дало худшие результаты не только потому, что Господь Бог не дал хорошей погоды, как доказывал Сталин, но и по той причине, что *уменьшилась посевная площадь зерновых хлебов*. Для минувшего года она считается равной 90,1% довоенной. А между тем площадь зерновых для 1927 года считалась равной 92,2% довоенной. (См. номер «Экономического Обозрения», октябрь 1927 г.). Но нам приходилось на страницах «Дней» указывать на величайшее разноречие советской статистики насчет посевной площади в минувшем году. Очевидно, пленум предпочел взять из статистических материалов «лучшее», что было. Но и это «лучшее» оказалось нехорошим и оно показало, что посевная площадь сокращается.

Такие же явления наблюдаются и в скотоводстве. По данным, приводимым в резолюции, число скота не увеличивается, а уменьшается. Это уменьшение началось с 1926-27 года.

Правда, насчет технических культур приведены более утешительные данные. Но сама резолюция заявляет, что «зерновое хозяйство является главнейшей частью всего сельского хозяйства». «Поэтому показатели зернового хозяйства являются решающими для всего сельского хозяйства, и чрезмерное отставание зернового хозяйства грозит срывом делу социалистической индустриализации страны». Так расценивается положение сельского хозяйства. *Однако, установив «отставание» сельского хозяйства, т. е. установив то самое, что утверждал Фрумкин, резолюция заявляет:* «Поэтому пленум ЦК считает совершенно необоснованным утверждение (тов. Фрумкина) о том, что сельское хозяйство и особенно зерновая его часть переживает у нас процесс деградации».

Если этот процесс не наблюдается, то на каком-же основании резолюция чуть-ли не в половине пунктов бесконечное число раз повторяет о том, что *положение сельского хозяйства создало угрозу для промышленности?* В резолюции мы найдем и достаточное объяснение причин упадка (деградации) сельского хозяйства. Прежде всего, пленум свидетельствует о том, что *в области обложения сельского хозяйства царит полнейший произвол:* существуют «перегибы» в ставках, применяется без точного «законного основания» индивидуальное обложение и т. д. Резолюция свидетельствует о том, что существующая организация сельско-хозяйственного налога ведет хозяйства к дроблению, вызывает стремление к понижению производительных сил деревни. Пленум признает необходимость понижения обложения для середняков. Одним словом, ЦК партии достаточно хорошо объясняет, что при существующих условиях сельское хозяйство не могло не идти назад (деградировать)...

Кстати, нелишним будет напомнить, что докладчиком по реформе сельско-хозяйственного налога весной этого года был... тот самый Фрумкин, который теперь «забунтовал»... Весной этого года Фрумкин (см. «Известия» от 21 апреля т. г.) доказывал совершенства того самого налога, который ныне признан столь разорительным для сельского хозяйства. Весною этого года Фрумкин доказывал, что сельское хозяйство идет быстро вперед и что обложение отстает от роста доходов крестьянского хозяйства... Тогда же нам приходилось говорить совершенно иное. На страницах «Дней» (от 30 апреля) мы писали, что повышение обложения сельского хозяйства «объясняется не хозяйственными, а политическими и фискальными причинами, что это повышение находится в полном противоречии с современным положением и задачами сельского хозяйства». *Теперь Фрумкин повторяет это самое, доказывая, что сельское хозяйство деградирует. Это же самое приходится признать и пленуму ЦК партии.*

В резолюции о положении казенной промышленности «блестящие достижения» *тонут в море тревоги* партии за будущее этих «достижений». Пленум признал, что положение сельского хозяйства «грозит срывом делу индустриализации страны», говорит об увеличивающемся недостатке сырья для промышленности, о затруднениях для ввоза этого сырья из за границы в виду пассивности баланса внешней торговли. Пленум, следовательно, говорит о следующем: *до сих пор для надобностей индустриализации партия без всяких церемоний черпала все нужное из деревни, а теперь настал момент, когда дальнейшее использование материальной базы деревни делается затруднительным, так как сельское хозяйство падает. Партия признала также, что и положение червонца, которым пользовались также неумеренно все для тех же «блестящих достижений», тоже неудовлетворительно.* Выпустив в последнем году огромное количество новых бумажек, пленум заговорил теперь о необходимости укрепления курса рубля, о «продуманной» эмиссии...

Итак, пленум установил не только тяжелое положение сельского хозяйства, но и тяжелое положение казенной промышленности. Установил, не желая, однако, это сказать.

Фрумкин резолюцией пленума может быть удовлетворен. В сущности, резолюцией может быть удовлетворен и «правый уклон». Ибо этот «уклон» в резолюции *найдет достаточные доказательства того, что «социалистическое» строительство в его нынешнем виде разоряет страну и подрывает хозяйственные основы для дальнейшего*, будем говорить, «социалистического» же строительства.

Но что же пленум придумал для выхода из тяжелого положения?

Борясь с «уклонами», сам пленум *ничего не придумал.*

«Основной задачей партии, её генеральной линией, является линия на дальнейшую индустриализацию страны»... (пункт 2-ой резолюции). Прекрасно. Что же для этого требуется? Для этого требуются средства. И так как в самой промышленности этих средств нет и так как эти средства не притекают из за границы, то их приходится брать из страны, т. е. прежде всего от сельского хозяйства. Сельское хозяйство для целей индустриализации должно дать денежные средства, должно дать сырье, должно дать избытки для экспорта.

«Этот быстрый рост удельного веса промышленности, — говорится в резолюции, — именно этот темп индустриализации требует более быстрого расширения продовольственной и сырьевой базы промышленности, т. е. иными словами, более быстрого роста сельского хозяйства, нежели тот, который мы имели до сих пор».

Прекрасно. Ну, а как же осуществить этот более быстрый рост сельского хозяйства?

В резолюции сказано: «Развитие черной металлургии, машиностроения, электростроительства, химической промышленности, всемерная индустриализация и машинизация сельского хозяйства, систематическое повышение удельного веса производства средств производства — являются обязательными предпосылками дальнейшего развития страны, в том числе сельского хозяйства».

Значит, *для развития промышленности нужно развитие сельского хозяйства, а для развития сельского хозяйства нужно развитие промышленности...* Практически для сельского хозяйства нужно то же, что нужно и для промышленности. *Нужно содействие сельскому хозяйству государственными средствами, необходимо облегчение обложения, необходимы выгодные цены на сельско-хозяйственные продукты и дешевые цены на промышленные товары. Одним словом, для сельского хозяйства необходимо освобождение от того служебного положения, в котором оно находится по отношению к «социалистическому» сектору; необходимо положение, по меньшей мере одинаковое с казенной промышленностью в смысле государственного содействия.*

Нельзя забывать, что ведь пленум совсем не желает развития «кулацкого» хозяйства, а бедняцкого, середняцкого, совхозного и колхозного. Для таких хозяйств нужны громадные государственные средства. Но они нужны и для промышленности и промышленность брала и берет их из сельского хозяйства.

Теперь спрашивается, нашел ли пленум средства и для промышленности и для сельского хозяйства? *Нет, не нашел.* Он признал, что и то надо, и это надо. А где для этого «надо» взять средства, пленум не сказал ни слова.

В результате вся эта длиннейшая резолюция превращается в пустую болтовню... «Для промышленности нужны продукты, для получения продуктов нужна промышленность. Земля на китах, киты на воде, вода на земле; земля на китах»... Формула «академика» Бухарина вполне применима к характеристике всех хозяйственных изобретений пленума.

Приказ пленума «догнать и перегнать» хозяйственное развитие запада является обычным шарлатанством.

Пленум, конечно, понимает, что партия не может и не захочет оказать действительное материальное содействие личному сельскому хозяйству. Вот по какой причине крестьянству обещается... «революционная законность». Эта самая «законность» должна создать у крестьянства побуждение к повышению производительной деятельности. Всякий раз, когда безобразия в отношении к крестьянству доходят до высших пределов, партия вспоминает о «революционной законности». *В настоящее время партия намерена проводить эту «законность» путем усиления классовой борьбы, путем опоры на бедняков.*

Такая «законность» явление для деревни не новое. Именно *эта-то «законность» и привела к разрушению сельского хозяйства.* Но и по существу дела партии сейчас совсем не до законности. Выполнить заготовительные планы, выколотить налоги, распространить среди крестьянства займы — все это при нынешнем положении для партии совершенно неизбежно. Но именно при нынешнем положении сельского хозяйства выполнение этих требований для деревни представляется в особенности тягостным. Партия будет выколачивать, крестьянство будет сопротивляться. Для законности вообще при нынешних отношениях между партией и страной не остается места. Партия неизбежно идет по пути усиления безобразий и произвола. И вся эта «революционная законность» есть *возведенный в ранг закона произвол.*

А. Марков

«РУССКИЙ АРХИВ»

В Белграде вышел 2-ой номер «Русского Архива», журнала, выходящего на сербо-хорватском языке и целиком посвященного России.

Появление этого двухмесячного журнала было встречено крайне сочувственно всей югославянской печатью.

В номере статьи: проф. И. Лапшина, проф. С. Загорского, В. Ахматовского, д-ра Мельниковой-Папоушек, М. Слонима, проф. Б. Маркина-Гецевича, Е. Сталинского и др.

НЕДОСТАТОЧНО БЫТЬ ЧИТАТЕЛЕМ «ДНЕЙ» — НАДО ЕЩЕ ПОМОГАТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЮ «ДНЕЙ» В РОССИИ.

Кремль и иностранцы

Направление: Соединенные Штаты Америки

Под этим заглавием «Прагер Прессе» печатает весьма интересную корреспонденцию г. Шрома из Москвы, посвященную советско-американским соглашениям. Отметив, что «в архивах советской дипломатии можно было бы найти весьма объемистую папку, в которой запечатлены все попытки советского правительства к сближению с Соединенными Штатами» Шром приводит «предсказание», сделанное в 1926 году тогда еще послом, а ныне политическим ссыльным, Раковским. Раковский, оказывается, приехав в Москву, объявил, что признание советского правительства Соединенными Штатами последует к концу 1926-го года. «Вильгельм второй, — пишет Шром, — написал однажды на полях доклада германского посланника в Лондоне, что даром политического ясновидения императоры обладают всегда, государственные люди редко, а дипломаты никогда. К Раковскому в данном случае это замечание вполне применимо». С этого времени усиливается стремление советского правительства «окончательно наладить отношения между СССР и США». С этого же момента «поток советских комплиментов по адресу Америки шел параллельно с тем, что в СССР проходит красной нитью через всю политику, а именно с стремлением начать «делать дела». «Если не удалось добиться установления сношений на чисто политических путях и, в частности, намеками на то, что ни СССР, ни Соединенные Штаты не состоят членами Лиги Наций и что в лице СССР растет естественный союзник Соединенных Штатов в их борьбе с Англией, то оставалось лишь изменить тактику». **Свелось это изменение тактики к стремлению добиться признания постепенным установлением торговых сношений.**

Шром полагает, что за последние месяцы советское правительство кое-чего в этом направлении достигло. Он указывает на то, что американо-советская торговля непрерывно растет, что Америка на советском рынке перегнала Англию, что «до тех пор, пока хлопковые плантации в Туркестане и Муганской степи не будут надлежащим образом орошены, в Америку ежегодно будет течь 30 миллионов долларов в уплату за хлопок» и что американские концессии, несмотря на неудачу Гарримана, имеют в России большой успех. Далее он ссылается на деятельность «Амторга», на связи между Нефтесиндикатом и «Стандарт-Ойлем», на работу американо-советской торговой палаты и ее живущего в Москве вице-председателя Смита, на деятельность «политического советника (?) Рокфеллера» Исаака Ли, которого Шром называет «активным поборником идеи признания».

По мнению чешского журналиста, все это лишь «подготовка к будущим событиям», т. е. к «долгосрочным кредитам в той или иной форме, и к длительному сотрудничеству американского крупного капитала в России». Не все в этом отношении идет гладко. В частности, неудачу переговоров с группой Фаркварта Шром объясняет тем, что **американцы не были достаточно уверены в прочности советского правительства.** Но зато соглашение с «Генеральной Электрической Компанией» заключить удалось. (Шром в связи с этим подтверждает, что американская компания **включила в цену своих изделий при продаже их советскому правительству убытки, которые ею были понесены в результате национализации ее имуществ в России).** В качестве благоприятных признаков Шром указывает также на отказ «Нэшионал Сити Банк», стоящего во главе американских организаций держателей русских государственных облигаций, примкнуть к лондонскому «международному комитету кредиторов России». Таким же признаком считает он пожертвование Рокфеллером 500 тысяч долларов на еврейскую колонизацию в России, в связи с которым советская печать опубликовала письмо Хувера на имя одного из руководителей «Джойнта» Розена. В этом письме Хувер заявлял, что он относится весьма сочувственно к еврейской колонизации. Тот чрезвычайно любезный прием, который был оказан в Москве американскому финансовому советнику в Польше Дью, Шром объясняет тем, что Дью — личный друг Хувера. На него смотрели, как на «первую ласточку новой эры».

Все эти факты были с большим или меньшим шумом использованы советским правительством в целях **как внутренней, так и внешней пропаганды, — пишет Шром, характеризуя следующим образом связанные с ними в Москве надежды: «О признании пока не говорят, считают, что оно придет само собой. Лозунг сегодняшнего дня и тактика завтрашнего формулируются так: с нас достаточно крупного долгосрочного кредита, пока мы построим наше государство и обеспечим населению мало-мальски сносные условия жизни. Все остальное придет автоматически».**

Однако сам Шром к возможности признания американским правительством советского относится более, чем скептически, — «по крайней мере до тех пор, пока не будет произведен пересмотр взглядов на национализацию собственности иностранцев».

Во власти самовнушения

Толкуя сообщения о посещении Варшавы венгерским министром иностранных дел Валко, «Известия» уверяют, что это посещение «имело целью выяснить средства, при помощи которых можно компенсировать Венгрию и удовлетворить ее территориальные притязания к Румынии за счет другой страны». По мнению «Известий», «польское правительство, выполняя на юго-востоке Европы роль собирателя сил для выполнения заданий, вытекающих из англо-французского соглашения, в той его части, которая направлена против советского союза, заинтересовано в устранении разногласий между Бухарестом и Будапештом. В качестве «объекта для компенсаций» Польша — уверяют «Известия» — предлагает Венгрии... **Прикарпатскую Русь.**

На чем основана эта информация советского оффициоза, это, конечно, его тайна. Неправдоподобие ее совершенно очевидное. Но любопытно, с каким усердием советская печать все решительно дипломатические переговоры, происходящие во всевозможных частях Европы, сводит к антисоветским комбинациям. Мы только недавно имели случай отметить, как едко издеваются французские социалисты над этой, внушенной себе наркоминделом, идеей.

СССР и Луганские совещания

То же самовнушение лежит и в основе рассуждений «Известий» о совещаниях Бриана-Штреземанна-Чемберлена в Лугано. **Повторив все доводы немецкой националистической печати против «локарнской» политики Штреземанна, «Известия пишут:**

«При этих условиях не подлежит сомнению, что уступки в вопросе об оккупации Рейнской провинции и о репарациях могут быть куплены Германией только ценой полного подчинения всем требованиям англо-французской антанты и увязывания своей судьбы с ее судьбой. Но если в Локарно Германия принимала на себя обязательства, антисоветское острие которых было тщательно скрыто и смысл которых поддавался разным толкованиям, то дальнейшие уступки Антанте в настоящих условиях означают уже необходимость связать себя с политикой, прямо и явно направленной против СССР».

От результатов происходящих ныне франко-германских переговоров в значительной степени зависит вопрос об обеспечении мира в Европе. **Поддерживая немецких националистов,** советское правительство лишний раз демонстрирует, что его внешняя политика, по прежнему, является ставкой на войну. Как бы ни сильно было то самовнушение, во власти которого находится сейчас комиссариат по иностранным делам, едва ли и он мог бы сколько-нибудь членораздельно объяснить, каким образом уступки Германии в вопросе о репарациях, или то или иное соглашение о сокращении срока Рейнской оккупации, могут оказаться «прямо и явно направленными против СССР».

Сказания иностранцев

Советские газеты решительно недовольны сказаниями именитых иностранных писателей о русском государстве, даже тех, в приязни которых к СССР нет никакого сомнения. Стефан Цвейг, например, пишет, что «лишь этот народ, в течение тысячелетий привыкший к страданию и почти радующийся страданиям, обладающий неограниченною способностью к страданию», — мог перенести годы голода и гражданской войны. Отсюда он делает «густо-мистические» выводы о миссии русского народа, о мессианизме и пр.

Не менее мистические выводы делает и Дюамель, рассказывающий об одной даме, которая, вспоминая о чудесных магазинах былой Москвы, и проливая о них слезы, все же чувствует, что нужно уметь быть участником общих страданий народа, — и тем утешается.

Также и Люк Дюртен, в прошлом году посетивший Россию, позволяет себе относиться к нашей стране, как к экзотической, вызывающей сложные философские рассуждения.

Но главное, — пишут они обо всем, и пишут сочувственно, — и только об одном умалчивают: о рабочих. «Рабочих они вообще не видали», — наивно возмущается критик их трудов.

Конечно, — возмутительно. Но тут уже у нас, а не у критика, возникает ехидная мысль. Потому ли именитые иностранцы не пишут ничего о советских рабочих, что им этих рабочих забыли показать, — или, может быть, из простой европейской вежливости, чтобы не выказать неблагодарности гостеприимным хозяевам?

НЕПРИНЯТЫЕ К ПЕЧАТАНИЮ РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

ЛИСТОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Нейтралитет искусства

13-го ноября на совещании МК ВКП(б) чрезвычайно интересный доклад сделал П. М. Керженцев. Тема доклада: «Искусство и классовая борьба». Положительная часть доклада содержит уже хорошо знакомые нам принципы строительства искусства в пролетарском государстве. Принципы эти звучат прекрасно («искусство массам», «обмен художественных ценностей между отдельными народностями», «борьба на идеологическом фронте»), но жизнь никак не удосужится наполнить эти лозунги содержанием, что признает и сам докладчик. Притом это не лозунги искусства, а проекты политических мероприятий по художественной части; проводиться в жизнь они могут только насильственно, мерами полицейского (запретительного и разрешительного) и экономического (субсидии) характера. Как и все последовательные марксисты, Керженцев верит в возможность государственного и партийного на искусство воздействия, и само искусство, как идеологическая надстройка, играет у него роль служебную как бы по самой своей природе. Нет времени и не стоит полемизировать с такими положениями, набившими оскомину, дутыми и сто раз опровергнутыми и философией и историей искусства. С нашей точки зрения, искусство не играет роли подчиненной, оно по существу своему свободно и не укладывается в грани классовые, партийные и государственные.

Прекрасным подтверждением именно этого положения является обзор современных, наиболее выдающихся произведений искусства, литературы и театра, который очень обстоятельно делает в своем докладе сам Керженцев. Только то, что его пугает, нас скорее радует, как верный признак постепенного высвобождения российского искусства из под партийной и государственной опеки.

Керженцев приводит примеры. Вот поэма Сельвинского «Пушторг» (отрывки печатаются в «Красной Нови»). Ее идею Керженцев толкует так: Ильич рассорил массу с интеллигенцией. Отношения, установленные партией с интеллигенцией неправильны. Интеллигенция, по Сельвинскому, честно работает; своими путями она идет к нашей цели, партийцы же, сидящие на командных постах и получающие «свои двести рублей», мешают деятельности интеллигенции и создают ее работе такие препятствия, что честному работнику-интеллигенту остается только кончать жизнь самоубийством. В поэме партиец Кроль, «дурак с интонацией хитреца», противополагается интеллигенту, *далекому* от политики, что автором поэмы особо подчеркивает. Общие выводы автора, примерно, таковы, что «якуты, в конце концов, одичают от нашей бездарности, что наша страна, одним своим боком двинувшись вперед, повернулась другой своей стороной к тьме до-петровских времен, к опричине, местничеству и т. д.»

Для Керженцева это — попытка организовать контр- наступление против партийных коммунистических позиций.

Или вот — очерки современной деревни Акульшина. Общий тон — безысходность и безнадежность. Все тонет во тьме и дикости. При этом характерный припев: «*Мы и они*». «Они, т. е. советская власть, мы — крестьяне». Если идет речь о коммунистах, то это исключительно какие-то бывшие кулаки, сынки кулаков, авантюристы, приятели самогонщиков. А если кто-нибудь из них читает книжки, то немедленно отрывается от деревни и чувствует себя чуждым. Деятельность коммуниста рассматривается тут, как и у Сельвинского, как «урочище удельного князька».

Или еще автор, очень талантливый, Конст. Федин, с его романом «Братья». В этом романе выведен современный интеллигент Никита, посвящающий себя искусству. Он считает, что только искусство настоящее дело; поэтому он отрекается от политики. Своему брату, большевику, он говорит: «вы решайте сами судьбу, вы боритесь, устилайте землю трупами ради каких-то ваших идей, а я ничего не хочу и не могу сделать в этой области политической гражданской борьбы, я буду делать свое дело».

Керженцев негодующе подчеркивает это стремление служителя искусства отмежеваться от политических злоб и остаться нейтральным во всех острых вопросах дня. Он прав, говоря, что такая боязнь активного участия доказывает недостаток гражданского мужества; но прав ли он, требуя этого гражданского мужества не только от героев романа, но и от самих авторов, отлично знающих, что пострадать можно даже за нейтралитет, не говоря уже об открытых выступлениях, и что «самокритика» возможна только в формах лицемерных, иначе она подводит под карающую руку?

То же самое в театре, то же в кино, то же во всех видах искусства. Вот фильма «Белый Орел» с Качаловым, Мейерхольдом и др. Она инсценирует рассказ Л. Андреева «Губернатор». Но у Андреева губернатор — трусливый, жалкий, подавленный человек, а в киноньесе он превращается в доблестного героя, оправданного искусством. Пьеса «На крови», идущая в вахтанговском театре, полна «эсеровской идеологии».

Даже издатели стремительно выпускают массовым тиражем книги чуждой нам идеологии (Кнута Гамсуна, Цвейга, Мопассана, Конан-Дойля), отмахиваясь от произведений пролетарских писателей или революционных писателей запада..

Пролетарский ли писатель Максим Горький? Конечно, — нет. Но вот, что говорит о нем Луначарский: «Если бы Горький был стопроцентным выразителем рабочего класса, то он принес бы нам меньше даров». Иными словами, он ставит Горькому в заслугу, что в его идеологии отражается также целый ряд и других социальных группировок. Выходит, что стопроцентная выдержанность — не плюс, а минус; и это говорит Луначарский.

Возьмем, наконец, выставки лубков, специально предназначенные для массового посещения. Среди лубков преобладают фрукты, цветы, охота на волка и т. д., сюжеты мещанские, обывательские, знаменующие бегство от политики и от участия в «социалистическом» строительстве, которым искусство наше решительно не желает заниматься.

Обзор Керженцева чрезвычайно ценен, но в выводах мы, конечно, разойдемся. Для Керженцева стоит на очереди «энергичная борьба с соглашательским уклоном в художественной литературе и искусстве»; как партийный работник, он и не может мыслить и действовать иначе. Для нас же, столь же чуждых принципа «искусство для искусства» и проповеди идеологического мещанства, очень ценным представляется стремление искусства занять позиции, независимые от партийных и правительственных директив и «социальных заказов». При свободе художественного выражения общественной идеологии «нейтралитет» был бы печальным явлением; в условиях же идеологической диктатуры, опирающейся на власть, даже самый уход от вопросов дня — явление отрадное. Это — первый шаг к освобождению, и им искусство, конечно, не ограничится. Упрочив эту первую, еще слабую позицию, оно перейдет в наступление.

Под «наступлением» мы вовсе не имеем в виду проповедь «мелкобуржуазной» идеологии, возврат к старому или острую борьбу на «правом» фронте. Мы имеем в виду только право искусства на свободное участие в идеологическом строительстве, а не в строительстве по навязанным идеологическим планам. Всякий трафарет убивает искусство. К чему сводится его роль, если то, что оно должно вырабатывать и создавать (оттенки общественной идеологии), оказывается уже созданным и утвержденным раз навсегда, да еще в обязательной форме, вы-

раженной декретами, программами на все века и для всего мира? Как ни почтенна в строительстве функция простого рабочего, — функция архитектора почтеннее и, чем меньше связана его мысль, тем величественнее его творение. Искусство — архитектор, а не простой исполнитель, и уже во всяком случае не подрядчик.

И еще раз повторим для пущей ясности: дело не в борьбе против коммунистической идеологии или, тем более, против советской власти. Если освобожденное от партийных приказов искусство само примет и идеологию и власть — против этого ничего не возразишь. Но крайне любопытно, что останется от эффициальной и навязанной идеологии, если допущена будет конкурренция свободной мысли, если не будут изгоняться за пределы отечества философы, писатели, художники, артисты, если «честный интеллигент» Сельвинского сможет работать, не думая о самоубийстве? Выживет она — прекрасно; этим будет доказана ее жизненность. Если же погибнет, как мрак от огня, это будет только значить, что она была мраком, что сожалеть о ней не приходится. Почему бы не проделать такого опыта?

Очевидно, мешают две причины. Первая — боязнь за власть над душами. Вторая — взгляд на искусство, как на идеологическую надстройку. Обе причины уводят нас за пределы философии искусства и вводят в область, по природе искусству чуждую, — в область политической борьбы, авиохима, танков, тюрем, дипломатической лжи, споров о государственных системах и о полицейской службе. Здесь — книги в руки реальным политикам; их склока вынуждает искусство пожимать плечами и отстаивать наименьшее из своих прав: право на нейтралитет.

Раскольников защищается

В одном из номеров «Дней» мы отметили поход критика-доносителя Ломинадзе (из «Молодой Гвардии») против «Красной Нови», в частности, против Ф. Раскольникова, который сменил «идеологически невыдержанного» Воронского.

Недавно в Москве, в «Доме печати», состоялся вечер «Красной Нови», на котором редактор этого журнала Раскольников произнес некоторым образом защитительную речь.

Он, как редактор, далек от мысли допускать на страницах журнала произведения, идеологически вредные, и готов бороться с мелкобуржуазными течениями в литературе. Но «Красная Новь» не может быть рупором отдельной писательской группировки, поскольку она должна быть организующим центром, сплачивающим вокруг себя широкие круги советских писателей. При таких условиях не только неизбежна эклектика в области литературной формы, но и неполнопроцентная идеологическая выдержанность.

Раскольников жалуется, что писатель, призванный изобразить нового человека, еще лишь подготовляет к этому материалы, но ничего положительного пока дать не может. Значит ли это, что редакция должна закрыть свои двери для ряда писателей? Нет, «мы будем действовать не мерами отсечения писателей от журналов, а методами редакционного на них воздействия. Мы считаем, что большинство писателей представляет для этого благодатную почву».

Что же это за меры, не названные редактором? Догадываться о них приходится по приведенным в его речи примерам. Так, редакция командировала Андрея Белого «дать очерки хозяйственного строительства в Закавказьи». А. Белый, по словам Раскольникова, отлично с этой задачей справился и дал ряд чрезвычайно ярких очерков.

Мы эти очерки читали. Они, и правда, очень хороши, если бы не наскучившая и довольно беспомощная ритмика Белого и не его утомительное словотворчество (по Далю). Но называть лирику Андрея Белого очерками хозяйственного строительства в Закавказьи можно только ради защиты позиций, на которые обрушился Ломинадзе. Нет, кажется, писателя, менее способного выполнить какой-либо социальный заказ, чем А. Белый!

Характерно, однако, что методы воздействия, на которые оказываются отзывчивыми «большинство писателей», сводятся к самому простому приему покупки по повышенным ценам. Метод этот старый, давно известный прессе капиталистической, практикуемый и в зарубежьи (газ. «Возрождение»). Он, несомненно, практичен. Но роковым образом он приводит к одному: материал, доставляемый писателями, сделавшими в своей идеологии поправку на доходность, мало по малу делается все менее доброкачественным. Это тоже одинаково отмечается и в зарубежьи и в России. Трудно сказать, чем это объясняется; вероятно, психологическими причинами (делается человек сам себе противен). Для длительной действенности этого метода, оказывается необходимым как можно чаще менять выдохшихся служителей повышенного гонорара на новых, еще не схолостившихся своей мысли и не обесцветивших своего дарования. Таким образом о создании прочного «писательского блока» говорить не приходится, и напрасно говорит о нем Ф. Раскольников. Вместо блока получается весьма текущий и часто обновляемый хвост у кассы; от получки не отказываются, но, грызясь между собою, попутно поругивают и хозяина.

Писатели отвечают

Газета «Читатель и Писатель» разослала советским писателям анкету, прося высказаться о влиянии на их творчество октябрьской революции. Полученные и напечатанные ответы поражают оффициальностью и однотипностью, то ли потому, что в большинстве откликнулись писатели некрупные, то ли потому, что вопрос, им заданный, довольно ядовит. Разумеется, почти все ответившие заявляют, что их творчество либо рождено Октябрем, либо заполнилось его содержанием. Единственное исключение — ответ некоей Нины Смирновой, написавшей: «Октябрьская революция не внесла перемены в мое творчество — я сейчас пишу то, о чем думала еще до революции, и работаю над тем материалом, над теми идеями, которые тогда уже меня волновали». Но так как вряд ли кто нибудь слыхал о Нине Смирновой, то и проверить ее ответ трудно; можно только приветствовать эту писательницу за смелость ответа.

Из откликов «стариков» стоит отметить ответ Вл. Лидина: «До Октябрьской революции я учился держать перо в руке. С Октябрьской революции я научился им писать». Повидимому, это Лидину только так кажется. До Октября он всегда был последним в первых рядах; с Октября почти все те, что его заслоняли, выбыли из строя и переселились за рубеж. Пишет же Лидин совершенно так же, как писал раньше — бесцветно, добросовестно, всегда несамостоятельно, но по хорошим образцам.

Совершенно потрясающ опечаткой ответ Ф. Панферова, гласящий:

«Октябрьская революция дала не возможность активно участвовать в строительстве социалистического общества и искренне писать».

Какая роковая опечатка: конечно, автор ответа написал «дала мне возможность», наборщик же не так его понял.

Вл. Бахметьев пишет, что «Октябрьская революция дала художнику колоссальные возможности и все еще элементарные осуществления». Повидимому, тут уже напрасна на революцию: осуществлять возможности — дело не ее, а самого художника.

Борис Пастернак, крупнейший из приславших ответы, воспользовался правом поэта темнить свою мысль для непосвященных. Он просто прислал восьмистишие из конца поэмы «Высокая болезнь», расшифровка которого — дело понимания и вкуса:

Событий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому — страной.
Я думал о происхожденьи
Века связующих тягот.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

К ЧИТАТЕЛЯМ, ЖИВУЩИМ В РОССИИ

ПРОНИКНОВЕНИЕ ЖУРНАЛА В РОССИЮ СОПРЯЖЕНО С ГРОМАДНЫМИ ЗАТРУДНЕНИЯМИ, Т. К. ПОЛИТБЮРО И ГПУ БОЯТСЯ СВОБОДНОГО СЛОВА. — ПО ПРОЧТЕНИИ НЕ УНИЧТОЖАЙТЕ, А СТАРАЙТЕСЬ ПЕРЕДАВАТЬ ВАШИМ ДРУЗЬЯМ

SALLE PLEYEL, 252, RUE DU FAUBOURG St-HONORÉ

17-го ДЕКАБРЯ в 9 ч. ВЕЧЕРА

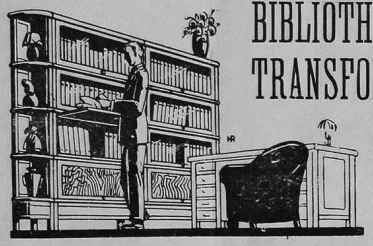
Единственный концерт перед отъездом в Америку

Николая Орлова

В программе: Бах, Шопен, Шуман, Скрябин, Дебюсси, Балакирев.

Билеты от 40 до 5 фр. в кассе, у Durand, Kiesgen et Delaet (Salle Pleyel) и во всех нотных магазинах.

КНИЖНЫЕ ШКАФЫ M. D.



BIBLIOTHEQUES EXTENSIBLES ET TRANSFORMABLES a tous moments

Книжные шкафы **M.D.** растут по мере увеличения Вашей библиотеки. Устанавливаются где угодно. Занимают minimum места и вмещают maximum книг.

(Полный каталог № 70 со всеми ценами высылается бесплатно).

Bibliotheque M. D. Tél.: Littré 11-28
9, rue de Villersexel, Paris VII.

Фермы, имения, хозяйства, дачи, дома, участки

ИЗЪ ПЕРВЫХ РУК

Обращаться: BORIS ARCHITECTE

35, Bd Haussmann.
Tél. : Louvre 65-89

ÉTABLISSEMENTS

J. H. BERRENS

86-88, AVENUE DES TERNES
PARIS (17e)

T. S. F.

Лучшие аппараты, дающие возможность слушать

ВСЮ ЕВРОПУ и РОССИЮ

Все принадлежности для радио •• УМЕРЕННЫЕ ЦЕНЫ

Требуйте каталоги -:- Тел.: Wagram 17-33

БРИЛЛИАНТЫ

жемчуга, платину, золото, серебро и старинные вещи выгодно продадите фирме

И. ВИЛЬК

из Петербурга.

Специальность: старинные табакерки

41, rue Le Pelletier, M-o Pelletier
coin 41, rue Lafayette, PARIS IX
Téléphone: Trudaine 67-77

Вышел и поступил в продажу очер. сборник

„Вольная Сибирь"

издаваемый Обществом Сибиряков в Чехословацкой Республике

следующего содержания:

Д-р Ф. Штейдлер «Выступление Чехословаков в Сибири в 1918-м г.».

Д-р И. Глос «Чехословаки и Сибирская Областная Дума».

Кап. А. Кириллов «Сибирская Армия в борьбе за освобождение».

С. Г. Сватиков «Роосия и Сибирь».

И. А. Якушев «Очерки областного движения в Сибири».

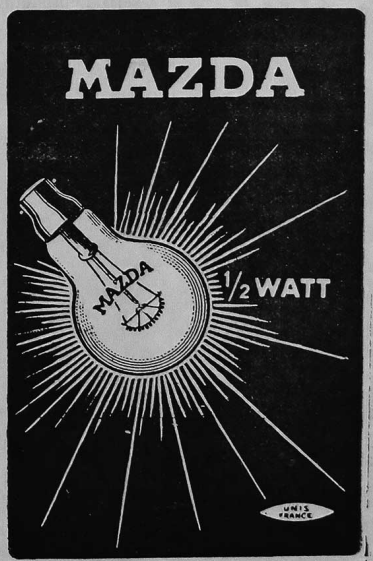
Проф. Зубашев, Е. Л. «Сибирская промышленность в 1924-27 г.г.».

С. В — ский «Туркинский минеральный источник в Забайк. обл.».

Я. Лозовой «Местный бюджет сибирского края». (отдел печать и жизнь).

Отдел библиографии. — Страниц 176.
— Цена сборника 75 амер. цент. —

Прага II, Краковская ул. 8
TCHECOSLOVAQUE.



„ДНИ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ВЫХОДИТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

Главное внимание журнал уделяет
информации о России

Корреспонденции и письма из России

Статьи по вопросам внешней и внутренней политики

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:	Цена отд. ном.	в месяц
Во Франции, Чехии и Югославии	2 фр.	6 фр.
В Германии и лимитрофах	50 пф.	2 марки.
В Америке		1 доллар.
В Англии и колониях	6 пенс.	2 шилл.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

„D N I“ 9bis, rue Vineuse, Paris (16e)

Le Gérant : Rossel-Chiot. Imprimérie de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves, 32, rue de Ménilmontant, Paris

сайт-архив эмигрантской прессы

20-е, 30-е года, парижские, берлинские издания и много чего еще

www.Librarium.fr

Друзья, мы никогда не будем продавать pdf-версии журналов или вводить платную подписку на сайте.
Наоборот, будем совершенствовать и улучшать доступ к материалам, делать его простым и удобным.
Вы можете оценить наш труд любой суммой и поддержать дальнейшее развитие проекта. Спасибо!

Наша почта: opera78@gmail.com

Наш номер счета: 410011470269977